18+

АЛЕКСАНДР КУБАСОВ

ТЮЛЬПАНЫ С БАЙКОНУРА

О РОМАНТИЧЕСКОЙ ЭПОХЕ УЛЕТНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ

Александр Кубасов

Тюльпаны с Байконура. О романтической эпохе улетных достижений

«Издательские решения»

Кубасов А. А.

Тюльпаны с Байконура. О романтической эпохе улетных достижений / А. А. Кубасов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-647991-3

Книга написана на основе личных впечатлений о полете «Бурана».Событие было грандиозным, не повторенным до сих пор. Многие его участники оставили воспоминания о нем в своих статьях и книгах. Они акцентированы на технической уникальности проекта.Идея моей книги — передать романтическое настроение того времени, возродить творческий, созидательный дух ушедшей эпохи, почтить память специалистов и руководителей, которым по плечу было воплощение фантастических инженерных проектов, таких как «Буран».

ISBN 978-5-00-647991-3

© Кубасов А. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 8
Перелет 9
Буран по воспоминаниям детства 11
Незапланированная остановка 17
Знакомство с Наташей 19
Впервые в Ленинске 21
Картофельная эпопея 25
Арестованный паспорт 32
Первое свидание 34
Знакомство с объектом 37
Очередные мысли о доме 43
Втягиваюсь в работу 45
Студенческие времена 47
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Тюльпаны с Байконура
О романтической эпохе улетных достижений

Александр Алексеевич Кубасов

Корректор Сергей Барханов
Иллюстратор Ксенон
Дизайнер обложки Софья Мироедова
Дизайнер обложки Марина Протопопова

© Александр Алексеевич Кубасов, 2025
© Ксенон, иллюстрации, 2025
© Софья Мироедова, дизайн обложки, 2025
© Марина Протопопова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0064-7991-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

15 ноября 1988 года в 9 часов 25 минут московского времени орбитальный корабль „Буран", выполнив двухвитковый полет по орбите вокруг Земли, приземлился на посадочную полосу космодрома Байконур.

Впервые в мире посадка осуществлена в автоматическом режиме. Программа испытательного пуска универсальной ракетно-космической транспортной системы „Энергия" и орбитального корабля многоразового использования „Буран" выполнена полностью.

Сообщение ТАСС

Товарищу

Кубасову
Александру
Алексеевичу

участнику
осуществления
программы полета
многоразовой
космической
транспортной системы
«БУРАН»

Руководитель Центра

тов. Кубасову А. А.

участнику разработки комплекса радиотехнических систем навигации, посадки и контроля траектории движения „Выюга", обеспечившего 15 ноября 1988 года в 9 часов 25 минут впервые в мире посадку в автоматическом режиме орбитального корабля многоразового использования „Буран" на ВПП космодрома „Байконур".

Генеральный конструктор
Г. Е. Кузнецов

Предисловие

Книга Александра Кубасова начинается с полета. И это очень символично: полеты будут везде, где бы герой ни оказался. И в деревенском детстве, когда вдруг попал в страшную метель, но смог найти дорогу домой, и в институте, когда, казалось бы, встретил ту единственную, и на Байконуре, где герой проживал самые волнующие, самые интересные рабочие дни. Но и позже, в Москве, куда его уговорили переехать, чтобы продолжить работать над космическими проектами. Все это – про полет. Полет чувств, полет мысли, полет науки… И конечно, в этой книге мы увидим завораживающий, оглушительный, мощный полет знаменитого «Бурана», советского орбитального многоразового корабля-ракетоплана. Единственный его полет. Я написала «герой», но на самом деле эта книга – в жанре автофикшн, то есть перед нами мемуарная литература с крошечной долей вымысла, и именно вымысел делает воспоминания Александра более драматичными и, как ни парадоксально, более достоверными. Так что герой здесь – сам автор. И путь героя – это путь талантливого инженера Александра Кубасова, который работал на самых значимых космических объектах в самое неспокойное время: перед перестройкой и после. Время, когда вся наша наука и вся космическая отрасль, достигнув своего апогея, оказалась в тяжелом кризисе. Кризисы переживает и Александр – вместе со своей страной, вместе с целым космосом. Но испытания не ломают его, он остается все тем же увлеченным инженером, исследователем, романтиком. Кстати, романтики в книге очень много: здесь и порывы, и поступки, и любовь… С огромным удовольствием прочитала эпизод, который дал название роману, – про тюльпаны, растущие на Байконуре. Переживала эти события вместе со всеми персонажами, думала, как теперь повернется судьба главного героя, что изменится в его жизни? И конечно, сравнивала его с нынешними героями, удивлялась, неужто великие романтики остались в прошлом, неужто теперь никто не способен на такое? И до сих пор, вспоминая прочитанное, спрашиваю себя: «А если бы все случилось иначе?..» Но, как сказал один писатель, история не знает слова «если».

Я уверена, что читатель оценит и живой язык книги, и ярких, увлеченных своим делом людей, о которых рассказывает Александр, и впечатляющие зарисовки о Центре управления полетами. А заодно и незабываемую атмосферу той эпохи, когда развивалась и крепла наша космическая отрасль. Благодаря простым людям, работавшим на нее. И вопреки всему. Обязательно читайте книгу Александра Кубасова. Она удивительная.

Светлана Богданова, писатель

Я знаю, друзья, что пройдет много лет
И мир позабудет про наши труды.
На пыльных обломках упавших ракет
Останутся наши следы.
(На мотив популярной когда-то песни О. Б. Фельцмана)

Перелет

Наш самолет высоко над облаками. Более полутора часов полета – половина пути. Мне как-то неуютно, зябко, тоскливо, в голову лезут грустные мысли.

А вот попутчикам моим, напротив, очень даже комфортно и забавно. Они удачно расположились. Между их креслами, повернутыми друг к другу, оборудован рабочий стол. Мужики не преминули этим воспользоваться. Постелили на него газетку, накромсали хлебушка, лучку, сальца, откупорили фляжку спирта и, азартно посмеиваясь, швыряют по столику картишки.

От полетных впечатлений и без спирта кружится голова, слегка подташнивает, и посему я вне игры. Кутаясь в расстеленный в кресле полушубок, вглядываюсь в сумрачную даль. Сижу, отвернувшись от игроков, уткнувшись лбом в круглый иллюминатор.

Спецборт Ту-134 на маршруте Раменский – Крайний.

За бортом плотная пелена облаков. Она тянется до горизонта, пушистым покрывалом своим укутывая землю. Как ни прищуривайся, земных пейзажей не разглядеть.

Со временем однообразная картина облачной пены утомляет взор. Отрываюсь от иллюминатора, поднимаю повыше воротник полушубка, откидываюсь в кресле. В этой расслабленной позе чувствую, как сами собой закрываются глаза. Постепенно проваливаюсь в дремотное небытие. Сиюминутные впечатления тают, растворяются, исчезают. Мысли уносятся в детство.

Я вырос там, где грязь в колен… Эти детские воспоминания замещают мои полетные впечатления. «Грязь в колен», – помнится, такими словами моя бабенька Надежда (мать моего отца) сокрушалась о том, какая же на улице непролазная слякоть.

– Куды ты в калошах-то собралси? Спаги вон отцовския одень. Грязь на улице в колен, а ты… – так, бывало, сопровождала она мой выход из чистой, ухоженной избы на раскисшую от непогоды улицу.

Совсем недавно все это было. Как там тепло, уютно и мило…

Теперь, коротая трехчасовой перелет, не нахожу ничего приятнее, как лететь с закрытыми глазами и в полудреме упаковывать всплывающие воспоминания в стихотворную форму.

Я вырос там, где грязь в колен.
Там, где в распутицу не всякий трактор далеко уедет.
А все ж тот неказистый край в душе моей не тленн,
Хоть капитал годков прохладным ветром веет.

Кручу в голове эти строчки, стараясь удержать душевный поэтический настрой, собираясь с мыслями и… вздрагиваю от неожиданного резкого возгласа одного из картежников:

– А у меня валет крестей!

Тут вся компания, видимо реагируя на оплошность одного из игроков, дружно громко загоготала.

– Ну что? Утер он тебе нос? Знай наших! Не зевай! – звучали реплики игроков.

Шумели, слава богу, недолго. Карты вновь были розданы. Начался следующий кон, и игроки, тяпнув по глоточку горячительного, затихарились, молчком продолжили свою игру. А я, припоминая ощущение того, *как капитал годков прохладным ветром веет*, вернулся к своим поэтическим развлечениям.

Но нет, не замести ему глубокие следы,
Что с детства мне оставлены речушкой, лесом, полем.
Как там красивы по весне сады…
Ромашки на лугу… Родной мой край, он тих, приволен.

Наполняя свои воспоминания ощущениями детства, я возвращался в ту не забытую мною действительность и ярко чувствовал:

Там все еще березовым дымком попахивает печь,
Храня весь день в тепле чугун с похлебкой или кашей.
И бабенька, усталая, прежде чем на ночь лечь,
Перекрестится на угол пустой избенки нашей.

Было время, жили мы в той избенке впятером, и теснота нас не томила. Но вот я вдалеке от родительского дома, да и сестра Надя не ближе. Отца схоронили. Сейчас там только бабенька и мать. Давненько я дома не был. Надо выбрать время, наведаться, матери помочь, а попутно и друзей детства повидать, подружек.

Там я любил, и не одною был любим,
Но как-то не сыскал в любви особенной, большой удачи.
В мечтах и мыслях – там, а, временем гоним,
Опять лечу куда-то, странствую – и не могу иначе…

В моей большой дорожной сумке есть ручка и блокнот. Записать бы стишок. Вроде складный случился. Сумка рядом, на соседнем кресле, но расстегивать ее, доставать что-либо, вообще шевелиться – лень. Так запомнится, а коль забудется – невелика потеря, взамен придет чего-нибудь еще, может, даже складнее и краше, много чудесного в жизни нашей.

Неожиданно из детских воспоминаний выдергивает меня металлический скрежет и лязг распахнувшейся двери пилотской кабины. К нам входит один из летчиков и, широко улыбаясь, бросает:

– Ну что, мужики, хорошо летим? – и, не дожидаясь ответа, продолжает: – Только не знаю, где сядем. Крайний не принимает, там испортилась погода. На Байконуре – буран.

В ответ кто-то из нашей инженерной команды пытается пошутить:

– Так здесь все «бурановцы», все летим на «Буран».

– «Буран» бурану рознь, прошу не путать божий дар с яичницей. Короче, спецы, я запрашиваю Актюбинск, там, кажется, метет потише. Дадут «добро» – сядем там, а дальше решайте сами. Кому не терпится поработать, может продолжить добираться поездом, кому не к спеху – подзаправимся и вернемся обратно в Москву. До завтра-послезавтра погода образумится, полетим повторно, даст бог, прямо к месту назначения. Вот такой расклад. Соображайте.

Выговорившись, пилот вернулся к штурвалу. В иллюминаторе все та же беспросветная пелена облаков. Куда летим?

Не привлекая внимания товарищей, шепотком обращаюсь к Создателю, моля его о том, чтобы буран утих. Сегодня, как когда-то в детстве, он опять крутит, мутит, встревает в намеченные планы, заставляет поволноваться.

Буран по воспоминаниям детства

Помнится, было мне тогда лет четырнадцать. Отец подрядился сторожить сенокосные угодья соседнего колхоза. Была у него постоянная работа электрика на местном сельском молокозаводе, а к этому дополнительному делу сторожа его подтолкнул страх оставить своих овец и корову в зиму без кормов. То лето оказалось жарким и засушливым, трава быстро пожухла, заготовка сена на зиму стала проблемной, отец согласился побыть сторожем. Платой за эту работу стала возможность заготовить сено для своей скотины.

Определенные под его присмотр луга находились в пойме речушки Сивинь и ее притока Кивчей, в местах низменных и даже кое-где заболоченных. Трава там выросла густая, сочная.

В сенокосную пору, погружаясь в болотную жижу по колено, а то и по пояс, отец косил высоченную камышину косою, мать жала серпом, я сгребал скошенную траву в охапку и перетаскивал для просушки на не залитые водой полянки. В знойный день, под палящим солнцем барахтаться в теплой воде было даже приятно, такая возня радостно забавила меня (как у нас на селе говорили) и вовсе не утомляла. В общем, сена для себя мы заготовили.

Тогда же на основных площадях трава колхозниками тоже была скошена, высушена и уложена в аккуратные стожки. Колхозную усадьбу и луга разделяла река. Перевозить сено зимой, когда речка скована прочным льдом, считалось сподручнее. А до той поры нужно было присматривать, не позарился ли кто на стожки, не пощипал ли сенцо, и это дело отец перепоручил мне.

От нашего дома до тех лугов около десятка километров. Летом, ранней осенью такое расстояние не было проблемным. Я заводил старенький, дребезжащий всем своим железом «Ковровец» и лихо мчался по пыльной грунтовке, высоко подпрыгивая на дорожных ухабах. «Доскакав» до места, оставлял свою технику у ближайшего стожка, трусцой перебегал от одного стога к другому, осматривал, пересчитывал их и с чувством исполненного долга возвращался с докладом к отцу.

Как правило, мою болтовню он выслушивал молча, однако при этом я подмечал его одобрительный взгляд, и это было чертовски приятно. Я не просто гонял на мотоцикле, что само по себе занятие для подростка желанное, душещипательное, – я катался по делу. И потому был весьма доволен собой.

Наступившая следом зима засыпала дороги толстым слоем снега. Мотоцикл пришлось загнать в сарай и достать лыжи.

Тогда-то, в одну из таких лыжных пробежек к стогам, на обратном пути меня и настиг буран. Мело так, что ничего приметного вокруг не проглядывало. Я оказался в чистом заснеженном поле, где нет и намека на хоть какой-либо ориентир. Первую половину обратного пути я ехал краем Мещанского леса, он заметно сдерживал порывы сильного ветра и сам по себе служил надежным ориентиром. Откатившись же от него, я выставился всем ветрам напоказ.

Остановился, осмотрелся. Открытое пространство заснеженного поля казалось мне чудовищно враждебным. Чтобы добраться до села, надо на авось преодолеть поле, а это почти пять километров пути.

Село наше не маленькое, более трех тысяч дворов тогда в нем было. Четыре улицы – Каверина, Дудоладская, Середка, Бутянский конец – разделяемые проулками, тянулись одной цепочкой, состоящей из изб, дворовых построек, амбаров и бань. Параллельно им на расстоянии полутора-двух километров шла ломаная линия улиц с не менее экзотическими названиями: Самсоновка, Малая Шишкановка (состоящая из двух половинок – Лягушовки и Грачевки), Поповка, Загробная. Большинство улиц получили свое название от фамилий семейств, там проживавших. Поповка – за то, что находилась рядом с сельской церковью, служители

которой селились в ней. Загробная была расположена за погостом, то есть за гробами, отсюда и ее название.

Поименованные улицы, длинные, растянувшиеся двумя параллелями на добрый десяток километров, соединяли те, что шли поперек: Шабановка, Большая Шишкановка, Ледневка, Околоток. Поперечные улицы были гораздо короче, по километру каждая, не более.

Так вот, я двигаюсь по направлению вдоль длинных улиц. Мне предстоит отыскать и уткнуться в одну из коротких, а попасть в малую цель, как известно, гораздо труднее, и это сильно волновало. Получится – тогда я спасен.

Преодолевая нестихающие порывы ветра, волочусь наугад с мольбой – не промахнуться. Мой дом в самом центре села. Как его отыскать?

Обычно я совершал эти пробежки по выходным, выезжая в луга поутру, с рассветом, и к обеду, нагулявши здоровый аппетит, возвращался. Но в тот день к обеденному времени в доме я не появился, и там изрядно переполошились.

– Куды ж ты парня в таку непогодь погнал?! – со слезами на глазах упрекала отца бабенька.

– С утра тихо было, – виновато оправдывался тот.

– А сейчас вон чо разыгралось, откуда что и взялось, – сокрушалась мать. Сестренка растерянно хлопала глазами и помалкивала.

Отцу нестерпимо было выслушивать в одиночку заунывные бабские причитания, и он кликнул в помощь соседа Алексея и двоюродного брата Владимира (для меня – дядю Лешу и дядю Володю). С дядей Володей они были особенно близки и не единожды выручали друг друга в трудную минуту.

– Чо делать-то, мужики? – советовался с ними отец.

– Да, дело дрянь, – утвердительно рассуждал дядя Леша. – Той зимой аккурат на этом пути Кузьмич замерз, и так его замело, что лишь по весне, когда поля пахать стали, на его труп наткнулись.

– Кузьмич выпивал. Пьяный, небось, был, вот и сшибся с пути, ослабел, прилег и закоченел, – встряла в мужской разговор бабенька.

– Тут, тетя Надежа, дело не в пьянстве, в погоде, – возразил ей дядя Володя. – Я, было дело, как-то под вечер в такую же снежную пляску метров на сто отошел от своего двора – стожок осмотреть, не потрепало ли его ветром. Нисколько не выпимши, совсем тверезый был. Ищу, ищу стожок-то – и не нахожу. Не видно ни зги, лишь метель в глаза метет, слепит. Примечаю, смеркаться стало. Плюнул я на это дело, думаю, шут с ним, все одно при таком ветрище ничего не сделать, к утру буран утихомирится – засветло осмотрю, поправлю, ежель чо. Развернулся и пошмыгал обратно ко двору. Шлепаю, шлепаю, пора б уж в калитку уткнуться, ан нет. «Что-то не то, – думаю, – надо, пожалуй, правее взять, дом-то мой крайний в улице, как бы не промахнуться, в поля не угодить». Бормочу себе под нос и продолжаю итить. Чую, отмахал с полверсты, а то и поболее. Тут до меня доходит, что точно от дома далеко уж ушел, а куда, в какую сторону – не соображу. Стемнело, буран не утихает, испужался – жуть. Ну, себе думаю, пока в силе, не надо останавливаться, надо брести, шевелиться, куда ни того приткнусь. Брел я так наугад, местами проваливался в сугробы по пояс, брел, почитай, всю ночь. Совсем из сил выбился, до костей промерз, и лишь под утро уткнулся в незнакомую избу. Постучался, разбудил хозяев, через дверь объяснились, пустили они меня отогреться. И знашь, куды я приперся? В Шапкино!

– Иди ты… – удивился Алексей. – Это ж километров пятнадцать, а то и все двадцать от дому.

– Вот так-то оно. Вот те, дружище, буран…

– Будя страшилки-то пересказывать. Соображайте, как парню помочь, – опять встряла в мужской разговор бабенька.

– Чем тут поможешь? На его пути натоптанной тропинки нет. Где его искать? Где встречать? Молись, чтобы буран утих, – отвечал ей дядя Леша. И, обращаясь к матери, добавил: – Дуська, достань-ка нам грамм по сто, мы тоже за него переживам. До потемков еще далеко. Парнишка он смышленый, даст бог, выкрутится. Надо ждать. Налей.

– Отстань, – отмахнулась от него мать, – не за што пить-то. Не до того сейчас. – И, обращаясь к отцу, спросила: – Может, он говорил, каким путем ходит?

– Таких путей много, в том-то и загвоздка. Ждем, – рассудил отец.

А я меж тем совсем закоченел на ветру, особенно руки. Они превратились в ледышки, пальцы с трудом сжимались, уже не держали лыжных палок. Не опираясь на палки, я за тесемки волочил их за собой. Без всяких ориентиров, наудачу, наугад преодолевал я этот трудный путь. Брел, брел, пока не уткнулся в остожье, остатки большого соломенного овина. Овин не совсем чисто и аккуратно забрали. Скорее всего, сгребли волоком, и теперь здесь были настолько большие охапки соломы, что снегопад и ветер еще не замели их, не превратили в сугробы. Пучки соломы заметно выпирали, топорщились из-под снега.

В кармане у меня был коробок спичек. Вспомнив о нем, я решил развести костер и погреться. Непослушными руками отвязал лыжи, положил с ними рядом лыжные палки и стал выщипывать солому из-под снега, собирать ее покучнее. Достать закоченелыми пальцами спички, запалить на ветру костер оказалось совсем не просто. С этим изрядно пришлось повозиться, но в конце концов я справился, и как только языки пламени разгорающегося костра дружно заплясали, я готов был распластаться на огне, лишь бы поскорее согреться. Совал руки по локоть в костер. Отходя от холода, в пламени огня заледеневшие пальцы сильно ломило. Претерпевая эту боль, я постепенно отогревался, оттаивал, подбрасывал в костер новые охапки соломы, спиной прикрывая его от порывистого ветра.

И все бы хорошо, согрелся – и дальше в путь, но не тут-то было.

Оглядевшись, я вдруг заметил, что левое плечо моей фуфайки от попавших на него искр задымилось, ткань одежки от прогара расползлась, а ветер все больше раздувал тлеющую брешь.

Этого еще не хватало. Что делать?

Сбросил с себя фуфайку, распластал ее на снегу и стал набивать в прогоревшую дыру перемороженный рассыпчатый снег. Дым прекратился, но стоило мне ее надеть и повернуться лицом к ветру, как она вновь начинала дымиться. Ветер досадно, назойливо раздувал тлеющую вату одежки, а под ней толстый шерстяной, связанный матерью свитер. «А что, если и свитер займется? – промелькнула пугающая догадка. – Тогда совсем несдобровать. Вот те и погрелся…»

Снегом загасить тлеющую вату не удалось. Как же справиться с этой напастью? Ума не приложу. Меж тем соломенный костер быстро догорает, и нужно что-то делать дальше. Разочарование по поводу подпаленной фуфайки и накативший следом страх все же не заглушили во мне способности соображать. Хлопая себя по плечу в надежде остановить тленье ваты, я отошел от костра и стал внимательно осматривать остожье. Несколько раз обошел его кругом с мыслью о том, что «раз остатки соломы еще не замело, значит, овин свезли совсем недавно и наверняка должны остаться тракторные следы». Так оно и оказалось. Присмотревшись, я разглядел неглубокие, местами совсем переметенные снегом колеи, оставленные тракторными гусеницами. Это было большой удачей, теперь у меня появился какой-то ориентир.

Плечо фуфайки продолжало тлеть.

Не находя способа его загасить, остерегаясь, что тлеющая вата подпалит-таки свитер, я скинул с себя фуфайку, сгреб ее в охапку, сунул под мышку и, оставшись лишь в свитере, пошел по тракторному следу.

Боясь вновь заморозить пальцы, подвязывать лыжи не стал, оставил их валяться возле угасающего костра. Пошел пешком.

Скоро тракторная колея вывела меня на твердую, накатанную дорогу. Она была гладко вылизана ветром, и снег, не застревая, переметывал через нее. Понимание того, что она наверняка приведет меня к дому, заметно взбодрило, обрадовало, добавило решимости и сил. Я быстрым шагом, а местами трусцой или вприпрыжку, наперекор нестихающему ветру, поспешил по ней.

Идти пришлось довольно долго, и к тому моменту, как дорога привела меня в Коверину (крайнюю улицу нашего села, от которой она тянулась к Мещанскому лесу), я почувствовал, что опять изрядно закоченел, особенно руки. До дома было еще очень далеко, хотелось согреться.

Пригляделся. Средь первых встретившихся мне коверинских изб угадал знакомую мне низенькую избенку бабушки Кати. Подошел к покосившемуся крыльцу, отряхнулся от снега, постучал в дверь. Мне никто не ответил, но дверь была не заперта, и я вошел в светлое, чистое, хорошо протопленное помещение. Сбросил у порога варежки и валенки, развернул фуфайку – она по-прежнему продолжала тлеть и дымиться. Хотелось побыстрей отогреться, а эта беда назойливо отвлекала, заставляла с ней возиться.

Оглядевшись, возле шестка русской печи примечаю короткую лавочку, на ней – два железных, наполненных водою ведра, а под ней – деревянную лоханку. В таких обычно готовят и выносят пойло домашней скотине, но сейчас она была пуста. Я засовал продолжающую тлеть фуфайку в эту лохань и облил ее водой. Воды не пожалел, вылил целое ведро. Вата быстро впитала воду, отчего фуфайка стала неподъемно тяжелой. Пальцы рук от холода еще не отошли, были непослушными, и я с большим трудом вытащил ее из лоханки, едва удерживая, дал воде немного стечь, а потом закинул ее на печь и сам запрыгнул следом.

Примостился поудобнее, глажу ладонями теплые печные кирпичи, промерзшие до костей пальцы рук начинает ломить так, что от боли на глазах проступают слезы. Терплю эту острую боль, отогреваюсь.

Тут, как в сказке, скрипнула дверь, в избу шустро вбежал пушистый кот, а следом неуклюже, с охапкой дров в руках, бочком вползла бабка. Прикрыв за собою дверь, повернулась в сторону печи и тут, заметив меня, от неожиданности так сильно перепугалась, что выронила дрова. Поленья с шумом повалились ей под ноги, рассыпались по полу. Качнувшись всем телом, плечом она подперла дверной косяк (что удержало ее от падения), а освободившейся от груза рукой мелко, часто начала креститься и пришептывать:

– Свят, свят, свят…

– Баба Катя, – окликнул я ее, – баба Катя, это я, Сашка, ты меня не признала? А помнишь, запрошлым летом я котенка тебе приносил?

– Свят, свят, свят. Напужал-то как, Сашка… Чо это тя в таку непогодь принесло? Из дома, что ль, турнули? Отец-то у тя вроде как не из буйных. А че ревешь?

– Да руки шибко обморозил, баба Катя, больно, ломят…

– Хто ш тя на печь-то с отмороженными руками загнал? Бестолочь, слазь сейчас же.

Я нехотя подчинился ее приказу, не спеша сполз с печи. Она взяла меня за руку и, перешагивая через рассыпанные поленья, потащила к печному шестку, возле которого на лавке стояло ведро, наполненное водой. Подтащив к нему, бабка окунула мои ладони в ледяную воду и, удерживая их, приговаривала:

– Вот так надо, а то на горячу печь… Хто ш так делат? Соображать надо, руки, што ль, захотел потерять.

Рукам в воде очень холодно, но ломота проходит.

– Полехше? То-то… – не отпуская моих рук, ворчит бабка.

Еще малость погодя, она разрешила мне наконец вытащить руки из холодной воды, накинула на них грубое вафельное полотенце и долго, усердно растирала им мои оттаивающие ладони и пальцы.

– Отошли? – любопытствовала она. – А ноги как?

– Ноги в валенках, не так замерзли.

– Вот теперь, ежиль хошь, полезай на печь, грейся. А я кипяточку поставлю.

Я вернулся на печку, и, пока, окончательно отогреваясь, молча посиживал там, баба Катя перетаскала рассыпавшиеся дрова от порога к шестку, косырем с одного из поленьев настругала лучин, затолкала их в самовар, запалила его. Самовар запыхтел на шестке, разогреваясь. Баба Катя на время оставила его, спустилась в подпол, достала оттуда банку варенья, с полки – пряников, чайные чашки и блюдца, словом, заботливо накрыла для чаепития стол.

Наблюдая за ней, я отогрелся и, не дожидаясь приглашения, слез с печи, присел на табуретку к краю стола.

Она разлила по чашкам чай.

– Угощайся.

Я молча принимал ее заботу.

Чайную церемонию разделил с нами пушистый, крупный, довольно упитанный рыжий кот, совсем не похожий на того щупленького котенка, которого я позапрошлым летом сюда принес. Ему достался кусочек пряника, и он, непрерывно ворочая мордочкой, с аппетитом, как мне показалось, долго мусолил его, не торопясь проглотить.

– Красивый вырос, – кивнул я в сторону кота.

– Красивый, да лодырь страшный, из дома не выгонишь, – с улыбкой говорила баба Катя. – Мыши у него под носом снуют, а ему хоть бы хны. Одну бы хоть словил. Ни разу не видала.

За застольной беседой неспешно мы выпили по несколько чашек терпкого иван-чая, подслащивая его малиновым вареньем, закусывая имбирными пряниками.

– Отогрелся? – интересовалась баба Катя. – Ступай теперь с Богом, пока не стемнело. Дома-то, небось, тя хватились уже. Буран никак не утихомирится. В такую пору вряд ли кто отважится искать тебя. Опять один пойдешь. С пути штоб не сшибиться, в проулки не суйся, огородами не ходи, дорогу не срезай. Иди улицей, прям до конца Коверины, потом у дома Палыча свернешь в Шабановку, пройдешь ее – уткнешься в мост через Вонючку, по праву руку будет Самсоновка, по леву – твоя Шишкановка, иль Легушевка, как вы ее там зовете.

– Баба Катя, чай, не впервой, дорогу я знаю.

– Знамо дело, знашь. Не перепутай, не сшибись с пути, я те об этом толкую. А ты в чем пришел-то? Где твоя одежка?

– На печи. Я ее над костром подпалил, когда грелся, а тут водой залил, теперь она там сушится.

Я достал с печки свою мокрую фуфайку, вся она была усыпана прилипшим к ней мелким мусором, отчего вид ее был весьма затрапезным. Виновато показал бабушке Кате прожженную дыру. Та от изумления всплеснула руками:

– Господи, што ш ты с ней сделал? Новенькая ведь была, по всему видать, совсем неодеванная, а теперь?

Слова ее я пропустил без ответа, удивительным для меня было то, что из прогоревшей дыры все еще тянулся дымок. Баба Катя забрала у меня фуфайку, положила себе на колени, оглядела дыру, потом не спеша выщипала оттуда тлеющую вату, быстрыми мелкими движениями натруженных пальцев потеребила обожженные края прорехи, и фуфайка перестала дымить.

– Вот как надо было эту беду гасить. – Она демонстративно, еще раз напоказ потеребила обгоревшее плечо фуфайки. – А ты – поливать… Нешто можно вату водой залить…

Слышать ее упреки было до соплей обидно. Я мысленно с досадой корил себя: «Это ж надо быть таким бестолковым! Так просто, оказывается, можно было справиться, а я что натворил?»

Однако дело сделано. Давно пора домой.

Баба Катя засунула мои шерстяные варежки в карман пострадавшей фуфайки, свернула ее, перевязала бечевкой, чтоб в таком упакованном виде ее было легче нести. Одела меня в свою, по-женски отороченную, с пуговицами на правую сторону, овчинную шубейку, дала взамен варежек овчинные рукавицы и, перекрестив, проводила.

В таком выряженном виде я и явился домой.

Добрался засветло, но уже смеркалось. Ожидание там затянулось, и в доме начался переполох. Что делать, по-прежнему не знал никто, а просто ждать становилось нестерпимо тошно.

Мое появление разрядило эту гнетущую обстановку.

– Ну вот! – громче всех объявил о моем появлении сосед дядя Леша. – Я ж говорил, придет, а вы не верили. Вот, полюбуйтесь!

И, обращаясь к матери, махнув рукой, скомандовал:

– Дуська, давай, скока тебя уговаривать. «Не за што, не за што». Вот, встречай. Наливай. Теперь есть за что.

Мать, вздохнув с облегчением, откликаясь на его просьбу, достала бутыль, набулькала ему полный граненый стакан самогонки.

Бабенька, оглядывая меня, сдержанно, тихонько в кулачок посмеивалась:

– Откуда ты такой ряженый, нешто с ярмарки?

Сестренка, высоко подпрыгивая, хлопала над головой в ладоши.

Отец молчал, смотрел в мою сторону, довольно улыбался.

Дядя Володя со словами: «Слава Богу, благополучно все обошлось, все образумилось», – тут же заторопился до дому.

Довольны были все.

Позже фуфайку отстирали, залатали, и я еще не раз потом надевал ее, играл в ней в хоккей.

С той поры слово «буран» в первую очередь будит во мне именно эти воспоминания.

Незапланированная остановка

Предавшись нахлынувшим воспоминаниям, я, кажется, немного задремал, но сквозь дремоту все же почувствовал, что наш самолет снижается.

Да, было именно так. Мои попутчики собрали карты, прибравшись на столе, устроились в креслах поудобнее, притихли, приготовились к посадке

Плотный молочный туман рассеялся за несколько метров до земли, за бортом стало возможным что-то разглядеть. Тут же от касания с землей самолет слегка тряхнуло, колеса шасси застучали по бетонке, в иллюминаторе замелькали силуэты самолетов, стоящих плотным рядком. В основном это были Ан-2 («кукурузники»). Сколько ж их здесь? Не счесть. Да, это точно не Крайний, там такая стая легкокрылой авиатехники ни к чему. Это был аэропорт Актюбинска.

Пока самолет вырулил на стоянку, наша группа, раздосадованная нежеланной посадкой, разделилась на две части. Одни, их было большинство, решили не покидать самолет и возвращаться, другие – продолжить свой путь наземным транспортом. Я решил примкнуть к ним.

Нас, спешащих к месту работы, оказалось четверо, из которых мне немного знаком был лишь Алексей, высокий крупный белобрысый парень с приятной улыбкой и с хитроватым прищуром близоруких глаз. Он был на годок-другой моложе меня, мы с ним, считай, ровесники. А вот двое других мужиков, Николай и Анатолий, были гораздо старше нас. Хоть мы и работали на одном предприятии и по одной тематике, но встретились в этом рейсе впервые. Неожиданно сложившаяся ситуация быстро нас познакомила и заставила держаться друг к другу ближе.

Прощаясь с остающимися, я крикнул им:

– Догоняйте!

Те в ответ замахали руками, и мы покинули самолет, а следом и аэропорт. Взяли такси и поехали на железнодорожный вокзал.

Беспрепятственно купить проездной билет на поезд было весьма проблематично. У кассы толпилась очередь. Однако у каждого из нас, в том числе и у меня, была красная «корочка» с фотографией размером три на четыре, подписью и печатью, удостоверяющая, что предъявитель сего документа выполняет задание особой государственной важности, а посему билет полагается ему вне очереди. Пользуясь этой привилегией, мы запросили билеты до Тюратама на ближайший рейс. Нужный нам поезд ожидался только утром. Выбора не было, билеты взяли какие есть и отправились коротать вечернее время в ближайшую гостиницу, где сняли номер на четверых.

Забросив дорожные сумки в номер, решили перекусить.

Гостиничное ресторанное меню было коротким, без изысков. Поужинали синюшными котлетками со слипшимися макаронами, запили компотом из сухофруктов. Деликатесами никто из нас избалован не был, а посему претензий к кухне не высказывал.

Вечер был еще не поздним. Возвращаться в номер? Что там делать? Бывалые предложили после ужина прогуляться, мы с Алексеем согласились.

Но, выйдя из ресторана в пургу на заметаемую снегом улицу, мы быстро охладели к прогулке, захотелось вернуться в тепло. Тут наше внимание привлекла афиша Клуба железнодорожников, приглашающая на вечеринку «Кому за тридцать».

– Пойдем заглянем, – предложил Николай, – там и погреемся.

– Ты уж скоро дедушка, оно тебе зачем? – попытался остановить его Анатолий.

Но Николай не сдавался:

– Вот, молодежь выгуляем, – отвечая, кивнул он в нашу с Алексеем сторону. – Холостые, небось? Все работа, работа… Надо и о семье подумать.

Поколебавшись, побрели за Николаем.

Войдя в клуб, мы оставили в гардеробной полушубки и шапки, прошли в пустой просторный зал, по периметру которого у стен стояли неказистые, в одну досочку шириной лавки. Напротив входа была невысокая открытая сцена, там, на ее краю, стояли большие фанерные колонки, обтянутые черной тканью, с криво вмонтированными в них динамиками. В глубине сцены были сдвинуты два стола и на них размещалась аппаратура. Вокруг столов суетились три паренька, очевидно настраивая музыкальную электронику.

Спешить нам было некуда. Мы притулились у стенки неподалеку от входа и стали с любопытством наблюдать за происходящим. Зал постепенно, неторопливо заполняли по-вечернему нарядно одетые дамы.

Мне показалось, что мы своей небольшой кучкой как-то в это мероприятие не вписываемся, и от осознания такого обстоятельства я чувствовал себя довольно неуютно. Стоим, подпираем стенку, робко переминаемся, озираемся по сторонам.

Малость погодя из черных колонок зазвучала ритмичная музыка в стиле диско. Аппаратура была заезженной, колонки звучали хрипловато, но публику заводило и это. Средь собирающейся в основном девчоночьей толпы возникло некоторое брожение. В нашу сторону было брошено несколько любопытных взоров. Поглядывали они заинтересованно, оценивающе, но сдержанно, украдкой. Потом девушки стали неспешно прохаживаться по залу. С каждым таким проходом подбираясь к нам ближе и ближе, отчего мы еще теснее сплотили свои ряды. Однако долго устоять нам, сторонясь мероприятия, оставаясь в него не вовлеченными, не удалось.

Громко и внятно кем-то невидимым был объявлен белый танец, и нас быстренько, без особого сопротивления с нашей стороны расхватали. Ко мне подошла симпатичная высокая стройная блондинка в коротком легком платьице, с рассыпанными по плечам ухоженными волосами. Девушка без робости приблизилась ко мне, представилась:

– Наташа.

Она протянула мне руку и повела за собой. Смотреть на нее было очень приятно, а вот танцевать… В ритмичном танце мне трудно было удерживать ее тугое тело. Девушка выпархивала из моих рук. Я неуклюже топтался возле, как цирковой медведь, и, казалось, только мешал ее красивым движениям. Следил лишь за тем, чтоб ноги ей не оттоптать, искренне сожалея при этом, что танцевать так и не научился.

«На кой ляд я ей сдался?» – засвербела у меня беспокойная мысль.

Оттоптавши молча этот танец, едва мелодия умолкла, я учтиво поклонился Наташе, отвернулся и, бросив на ходу товарищам:

– С меня хватит! – быстро покинул клуб. Вернулся в свой гостиничный номер и, не дожидаясь загулявших товарищей, стал укладываться спать.

– Хороша Наташа, да не наша, – бормотал я сам себе под нос на сон грядущий.

Перелет меня немного утомил, но спать не хотелось. Клубная тусовка будто взяла за грудки и заметно встряхнула. В памяти моей поплыли волнительные эпизоды студенчества. Вспоминалась совсем другая Наташа, с которой мне довелось повстречаться на втором курсе, и было это так.

Знакомство с Наташей

Окончив школу, я поехал в Саранск, ближайший крупный город, находившийся в ста километрах от моего родного села, и поступил там на вечернее отделение факультета электроники и автоматики Мордовского госуниверситета. Вступительные экзамены сдал с высокими оценками, что давало мне право посещения дневного отделения, и я этим воспользовался. С первого дня в университете я учился на дневном отделении, но целый год формально числился на вечернем. От однокурсников отличался лишь тем, что этот год не получал стипендии.

После двух семестров, по результатам двух сессий (а это были хорошие результаты, все зачеты мной были сданы вовремя, все экзамены – без троек), я был переведен на дневное отделение.

Порадовал этим родителей и все летние каникулы провел вместе с ними. Помогал отцу и матери по дому, по хозяйству, лишь ненадолго сбегая с соседом Колькой Синодским на рыбалку или по грибы.

Наступила осень. Я вернулся в университет, теперь уже в статусе полноправного студента-второкурсника дневного отделения.

Первый сбор того учебного года состоялся в актовом зале гуманитарного корпуса. Просторное помещение было переполнено в основном только что поступившими.

Большинство из моих университетских друзей лето отработали в стройотрядах, а потому каникулы у них еще продолжались. Те же, кто от стройотрядовских работ сачканул, были здесь.

Я быстро приметил их. Мы не виделись целое лето и теперь, повстречавшись, не могли наговориться. Шутки товарищей будоражили мое воображение, и я смеялся взахлеб, теперь уж и не вспомнить над чем, но так задорно, как более, пожалуй, не смеялся никогда.

И вот на сцену зала вышли кураторы и, обращаясь к гомонящей, гогочущей студенческой толпе, попросили внимания и тишины. Затем началась перекличка. Она прошла без заминок, довольно быстро, а потом во всеуслышание было заявлено:

– У второкурсников есть выбор: либо в Лямбирь – на достройку коровника, либо в Конопать – на картошку. Первый курс – все в Конопать, картошку копать. Сегодняшний вечер вам на сборы. Завтра утром к девяти быть здесь. Отъезд в десять от проходной этого корпуса.

После такого объявления у нас, второкурсников, озадаченных выбором, возник оживленный спор: куда лучше ехать?

Большинство склонялось к тому, чтобы ехать на коровник.

– Едем на картошку, – настаивал я, – приглядимся, что за молодежь на наш факультет прибыла. Познакомимся.

Двое из наших, Петр Скляров и Аркадий Резепов, меня поддержали. Один с незнакомой толпой я бы, пожалуй, не поехал. Тут же, пока мои попутчики не передумали, я запрыгнул на сцену, попросил записать нас на картошку.

Потом, еще какое-то время побалагурив, мы разбрелись по домам, чтоб собраться в дорогу.

На другой день поутру, кто с сумками, кто с рюкзаками, столпились на площадке возле гуманитарного корпуса. Меж тем автобусы, заказанные для нашей перевозки, запаздывали. От долгого ожидания кому-то захотелось поозорничать.

В углу площадки сиротливо стоял одинокий беленький «горбатый» «Запорожец». Несколько пацанов окружили его, насмехаясь над его убогой формой и миниатюрными габаритами. Кто-то озвучил расхожую байку:

– Может ли четыре слона поместиться в «Запорожец»?

Знатоки отвечали ему дружно:

– Может, может. Он же четырехместный!

На этом шутки не прекратились. Подошли вплотную, чтобы поточнее оценить вес малявки. Решили, что он легкий, и в подтверждение этой догадки дружно подхватили, приподняли «Запорожец», оторвав его колеса от асфальта. А они – о боже! – взяли и сложились. Особенно заметно это было на задних колесах. «Запорожец», как будто с испуга, взял и поджал их под себя. Машину опустили. Ее передние колеса выровнялись, а вот задние не захотели. Автомобиль в таком виде смотрелся теперь еще более смешным – как у нас в селе говорили, холуногим. Шутников это заметно смутило, как зайцы-трусохвосты, они разбежались, смешались с толпой.

Мы с Петром наблюдали за происходящим со стороны. Петр прихватил с собой фотоаппарат. Он расчехлил его и попытался запечатлеть забавную картину, однако долго провозился с настройками и сделать этого не успел.

– Не горюй, – утешил я его. – Глянь вон лучше на пожарную лестницу. Как девчонки облепили ее, уселись прямо как курочки на насесте. Они симпатичные. Особенно вон та, проворная, которая вспорхнула выше всех.

– Да, пожалуй, – согласился мой фотограф. – Она на Быстрицкую смахивает.

Он походил туда-сюда, присматриваясь к девочкам, а потом быстренько, исподтишка сделал несколько фотографий.

Тут подкатили городские автобусы. Их, похоже, только что сняли с маршрута, на лбу каждого из них маячил маршрутный номер. Я решил не терять из виду приглянувшуюся красавицу, сесть в тот автобус, который выберет она. При этом я загадал: сядем в четвертый – все будет хорошо, в тринадцатый – ничего хорошего, по крайней мере для меня, от этой встречи не будет.

Тогда я уже примечал: если цифра тринадцать попалась мне на глаза, то намеченные планы, как правило, шли наперекосяк. И что сейчас? Она выбрала автобус с номером тринадцать. Вздохнув, повесив нос, окликнув Аркадия и Петра, я поплелся за ней.

Впервые в Ленинске

Под эти воспоминания о былом я незаметно уснул. Спал крепко. Не слыхал, как пришли мои друзья-попутчики, вместе ли вернулись иль порознь, поодиночке. Однако проснулись мы дружно. Без проволочек собрались. На ходу чего-то перекусили и отправились на вокзал. Ждать поезда долго не пришлось, он подошел без опозданий. Запрыгнули в переполненный плацкартный вагон. Проводник, не особо обращая внимания на места, прописанные в наших билетах, как-то нас к уже ехавшим пассажирам пристроил. В вагоне было мрачновато, душно, каким-то он мне показался неухоженным, давно не мытым. Благо ехать нам было не так далеко и недолго, к полудню мы добрались до нужной нам станции Тюратам.

Крошечное поселение, размером много меньше моего родного села, слепленное из неказистых глиняных сараеподобных строений с неприметными темными глазницами окон без наличников и плоскими соломенными крышами. Таким был этот Тюратам. Местечко смотрелось мрачновато, находиться здесь было неуютно. Что-то подобное я видел в фильмах про басмачей времен Гражданской войны. Выглядело любопытно, однако поселиться там, даже на время, не очень-то хотелось.

Весть о нашем прибытии (в отсутствие мобильной связи) каким-то боком до местного руководства экспедиции все ж таки долетела, похоже, экипаж самолета постарался. На станции нас поджидали служебный автобус и встречающий с оформленными для нас на въезд в город документами.

Железнодорожная станция Тюратам – пригород Ленинска. Ленинск (десятая площадка космодрома Байконур), как и весь космодром, был местом режимным, строго охраняемым объектом, на все про все нужны были предписания, пропуска, разрешительные документы. С их оформления и начались наши трудовые будни.

Автобус доставил нас к штабу экспедиции – невзрачному одноэтажному дощатому строению, похожему на большую избу, внутри которого фанерой были выгорожены пара тесных кабинетов для руководителя экспедиции Олега Ивановича и его помощника, главного инженера Сергея Николаевича. Еще была небольшая комната для совещаний.

Человеком, встретившим нас в Тюратаме, сопровождавшим в автобусе и проводившим нас до кабинета начальника, был завхоз Леша Бабоша. Так ли он значился по паспорту или получил такое прозвище от местной инженерии – бог весть. Человек он был весьма соответствующий своей должности: услужливый с начальством, хамоватый с прочими. Для дома для семьи, как и полагается интенданту, заботливый, вороватый добытчик. Был он доволен сам собою, заметно важничал и весьма дорожил своим хлебным местом.

– Вот, Олег Иванович, нашел, привез всех четверых, – представил он нас начальнику.

– Никто не потерялся? – с улыбкой встречал нас начальник.

С первого взгляда он показался мне каким-то киношным персонажем Олега Табакова, уж очень он внешне смахивал на этого известного артиста.

– Эко вас занесло. Ну, ничего, такое бывает, – продолжал он посмеиваться над нами.

– А почему нас Крайний-то не принял? – не сдержал я своего любопытства. – В самолете говорили, что здесь буран, а я смотрю – кругом голая земля, никаких тебе сугробов, ни единой снежинки окрест.

– Ват такая она, здешняя зима – бесснежная. И буран здесь свой, особенный, с местным колоритом, «колотун-бабай» называется. Пыли подымает столько, что, как в снежную метель, ни зги не видно. Метет еще похлеще, чем в Рязани, Казани, иль Тамбове, только метет не снег, а песок. Самолету в таких условиях не сесть. Ветер такой силы запросто самолет с полосы сдувает. Этот буран не последний, до конца зимы еще далеко, со временем сами все увидите.

– Добрались – и ладушки, – вклинился в его речь Бобоша, и Олег Иванович обратился к нему:

– Леша, этих двоих, – он указал на Анатолия и Николая, – вернешь в Тюратам, поближе к вертолету, им работать на дальних приводах. А этих, – он ткнул пальцем в нашу с Алексеем сторону, – поселишь в гостиницу здесь, в городе. Будете работать на КДПЦ, – повернулся он к нам.

Я уже знал, что КДПЦ – это командно-диспетчерский пункт, центральный.

– От гостиницы до объекта, – продолжал начальник, – ходит наш автобус. Ходит строго по времени, проспите – ждать не будет. Трехчасовая разница во времени с Москвой по приезде чувствуется. Пока адаптируетесь, будьте повнимательнее. А теперь доставайте паспорта, передайте их Леше, он поселит вас, оформит пропуска на объект, талоны на продукты. А если кто-то что-то нужное забыл, то можете его попросить, у него на складе ложки, плошки, поварешки и еще кое-что такое всякое имеется. Завтра с утра к девяти сюда подходите, пройдете у главного инженера вводные инструктажи и все, что нужно для начала работы, получите.

Сразу после этого разговора Леша Бабоша проводил нас с Алексеем до гостиницы, а потом Анатолия и Николая повез в Тюратам.

В гостинице мне достался двухместный номер с пустой соседней кроватью. Алексея определили в такой же номер, но там один человек уже жил. Я был рад такому раскладу, хотелось побыть одному, отдохнуть с дороги, пропитаться новизной незнакомой доселе обстановки.

Однако эта радость быстро сменилась совершенно противоположным чувством.

Первое, что обратило на себя внимание, это вода. Я открыл водопроводный кран, и оттуда вяло потекла густая жижа цвета кофе с молоком. С дороги хотелось пить, но такую жидкость употреблять я не решился. Вышел из номера в длинный, чисто прибранный гостиничный коридор и, заметив там моложавую симпатичную горничную, окликнул ее:

– Девушка. Я у вас кое-что хочу спросить.

Она взглянула на меня, подошла поближе, приветливо улыбнулась, представилась:

– Надя. Вы, наверное, новенький? Что-то хотите?

– Да пока немногого. В номере из крана течет какая-то муть. Наверное, недавно ремонтировали водопровод, – начал я свои объяснения.

– Нет, – рассмеялась она, – вода здесь всегда и по всему городу такая. Ее качают из Сырдарьи, она там очень мутная. Очистные не справляются, вот она у нас такая и течет, с песочком и глиной.

– Так что ж с ней можно делать? Ни помыться, ни постирать… Пить ее совсем страшно.

– Нет-нет, пить ее прямо из-под крана никак нельзя, – улыбалась Надя. – Тем более без привычки. Сразу дизентерию или желтуху подхватите. Этим здесь часто страдают, как в Москве насморком.

– Ну, вы даете… Как же вы здесь живете?

– Вот так и живем, хлеб жуем, ракеты пускаем… – задорно рассмеялась она. – Да вы не бойтесь, мы привыкли, и вы привыкнете. Я вам сейчас немного чистой воды принесу. На вид она будет посвежее, чем из-под крана, только вы ее все равно сразу не пейте, сначала вскипятите.

– Надя, а у меня в номере чайника нет, и кипятильник взять с собой я тоже не догадался.

– Ну, тут я вам не помощница. В гостинице старая проводка, поэтому пожарники пользоваться нагревательными электроприборами запрещают.

– Цирк! Сырую воду пить нельзя, а прокипятить ее нечем, да еще и не положено… Я тогда, пожалуй, в буфет схожу, там чайку попрошу.

– Вы знаете, – продолжала она, непрерывно улыбаясь моей неосведомленности, – в нашей гостинице нет буфета.

– А что есть? Столовая? Кафе? Ресторан?

– Да нет. Ничего нет.

– Как? Как же здесь живут? Без еды обходятся?

Похоже, каждый последующий мой вопрос смешил горничную Надюшу все больше, смеялась она все задорнее, все заливистее.

– Вот так и живут, – сквозь смех отвечала она. – Приспособились. И вы, надеюсь, не пропадете. Сейчас я водички вам принесу.

– Так ее ж, как вы сказали, кипятить надо, а у меня нечем…

– Какой вы беспомощный. Ладно уж, принесу для вас кипяченой. Сегодня переживете, а дальше сообразите. Сами для себя кипятильник смастерите.

– Так вы ж сказали, им пользоваться в номере запрещено.

– Да, запрещено. Попадетесь на глаза контролерам – отберут, так что поаккуратнее.

Этот разговор, похоже, ее утомил, и она легкой торопливой походкой двинулась прочь.

Через какое-то время, когда я вернулся в номер, осмысливая свое положение, она постучалась. Принесла стеклянный графинчик с прозрачной на вид водой.

– Вот, пожалуйста, эту пить можно, – и, не сказав больше ни слова, упорхнула из моего номера.

Я пошел поделиться своими впечатлениями с Алексеем. Его командировка в эти края была, в отличие от моей, не первой.

– Леша, как у тебя с водой? – полюбопытствовал я, ожидая его недовольную бузу по этому поводу. Однако он отреагировал весьма сдержанно.

– Нормально, – отвечал он, – сосед позаботился. Вон, – кивнул он на подоконник.

Я взглянул: там плотным рядком были выставлены наполненные водой разной прозрачности трехлитровые стеклянные банки.

– Это наши очистные, станция фильтрации, – пояснил Алексей. – Чтобы сделать воду потребной, наливаешь ее из-под крана в первую банку и ставишь на сутки отстаиваться. За это время на дно упадут песок и глина. Пальца на два бывает. Отстоявшуюся посвежевшую воду осторожненько, чтоб осадком снова не замутить, переливаешь в другую банку. Теперь эту воду надо прокипятить и снова дать ей отстояться, там еще кое-что непотребное в осадок выпадет. Переливаем эту прокипяченную и отстоявшуюся воду в третью посудину и опять кипятим и отстаиваем, здесь уже осадка меньше, эту можно еще раз перелить, прокипятить и пить. Вот такая процедура.

– Мудрено. Да. Ты знаешь, я кипятильник не догадался взять.

– Это не беда. Будешь собираться на работу, прихвати пару безопасных лезвий, припаяем к ним по проводу, прикрутим штепсель – и кипяти себе на здоровье.

– Слушай, горничная мне сказала, что здесь и кормежки-то нет никакой. А с этим-то народ как справляется?

– Да выкручивается как-то. Яичницу можно поджарить на утюге, пельмени сварить в стакане.

– Так ведь нагревательными приборами пользоваться запрещено.

– Да, запрещено. Только вечером по коридору не пройти, из каждого номера дым коромыслом: и кипятят, и варят, и жарят. Проверки бывают в рабочее время, в рабочие дни, а кашеварят все до или после работы. В общем, варить вари что хочешь и на чем сможешь, а уезжая на работу, прячь этот инструментарий куда подальше, оставишь на виду – выметут.

Таким путем первичный инструктаж о правильном поведении в быту мною был получен.

Поужинали мы с Алексеем в его номере, пока сосед был еще на работе. В отличие от меня, недотепы, он прихватил из Москвы какие-то продукты. Мы откупорили консервную банку. Бычки в томате с черным хлебом оказались вполне сносным ужином. Запили свежезаваренным грузинским чаем. Я добавил к этому горсточку конфет. Не шибко изысканно и роскошно, однако насытились, и от этого на душе как-то стало спокойнее, теплее. Вечернее настроение

переключилось с бытовухи на мечтательность. Я вернулся в свой номер, достал походный блокнот, ручку, покрутил ее меж пальцев, вроде как разогревая, уселся поудобнее за стол и, вздохнув, записал:

Брякнув на сердце, замок
Прицмолк.
Запер душу на крючок —
И молчок
А когда-то суетился,
Бежал,
Взглядом трепетно ее
Провожал.
Подбирал ей покраше
Слова,
В страсти сдерживал себя
Я едва,
Восхищался все ее
Красотой…
Да, не той я нес любовь,
Нет, не той.
И напрасною была
Суета,
Ведь она была всегда
Занята.
Промелькнули эти шустрые
Дни.
Я молчу, но не жалею
О них.

Такие строчки складывались по воспоминаниям о наших редких, коротких встречах с Наташей, ярко впечатавшихся в мою память. Настолько ясно и реалистично представлялись мне сейчас ее черты, что, казалось, она совсем рядом. Находясь в тишине, в одиночестве, мысленно я затеял с ней разговор.

«*Ну, вот, Наташа, вот я и на Байконуре. Я очень хотел и стремился сюда попасть, но мое первое впечатление о нем не самое радужное, совсем не такое, как от ярких картинок про космос. Мне бы очень хотелось, чтоб не этим Байконур мне запомнился. Ты знаешь, а ведь мы могли бы быть здесь вместе, и ты на все смотрела бы сейчас своими глазами. Как бы тебе это глянулось? Наверное, не обрадовало бы тоже? Мне хочется думать, что ты не испытываешь сейчас бытовых проблем, что в доме твоем достаток, тепло и уют. Меня ж не пугают трудности, я стараюсь принимать их по возможности терпеливо, переносить спокойно. Спасибо тебе за твою милость и молчаливую любовь. Спасибо тебе, что ты есть в моей жизни. Знал бы твой адрес – все это написал бы тебе в письме, на конверте которого красовались бы марки и штемпель Байконура. Порадовал бы тебя такой привет? Хотелось бы верить, что да*».

Эти мысли вновь пробудили воспоминания студенческой юности, когда, только что встретившись, мы загрузились в автобус с номером тринадцать и отправились на картошку.

Картофельная эпопея

Ехали не спеша и недолго, не более часа. По приезде высадились в центре небольшой, в одну улицу, деревушки, возле неказистого деревянного клуба, что кособоко примостился на берегу крошечного пруда, в зеленой мути которого копошились домашние утки. Нас встретили колхозный председатель, парторг и агроном.

Председатель, радостно поприветствовав нас, быстренько озадачил:

– Вас здесь, молодых, проворных, пятьдесят человек. У нас для вас пятьдесят гектар картошки. Соберете, хоть за день, – попусту держать не будем, и… по домам. Погода хорошая, картошку уже напахивают. Завтра утром подходите сюда, наш агроном отведет вас на поле, а сейчас – располагайтесь, наш парторг разместит вас на постой по дворам.

Нам с Петром было указано на избу неподалеку от места сбора. В ней проживала одинокая старушка. Встретила она нас приветливо, рассказывала, что недавно квартировала у нее заезжая пара механизаторов, молодые муж с женой…

– Вроде как ремонтом в колхозной мастерской занимались, а теперь вот вы, все мне не так одиноко, все повеселее. Заходите, селитесь.

Петра она определила на диван. Мне же досталась кровать с еще не застиранными пятнами на простыне от совместных ночевок гостевавшей до нас молодой пары. Видеть это было неприятно, укладываться в такую постель противно, но попросить у хозяйки чистое белье я постеснялся. Сдернул простыню, встряхнул ее, перевернул, застелил другой стороной и этим успокоился, смирился с тем, что досталось.

Поутру бабуля заботливо покормила нас пшенной кашей.

– В обед, – подсказала она, – в колхозной столовой вас попотчуют. Все свое, свежее. Девки наши внимательные, аккуратные, старательные. Голодными не оставят. Вкусно готовят. Вот увидите.

К началу работ к нам, собравшимся на краю картофельного поля, подкатил колхозный трактор «Беларусь» с заезженной, громыхающей расхристанными бортами тележкой, подвез нехитрый рабочий инвентарь: холщевые мешки да железные ведра.

Весь рабочий день мы копошились в поле, на распаханных картофельных бороздах. С Петром мы почему-то разошлись, с Аркадием Резеповым, поселившимся в соседней избе, тоже. Я оказался в одной борозде с Аркашкой Пеккером, маленьким шустрым первокурсником. По ходу дела познакомились. Работником он оказался так себе, нагибаться за клубнями ему было лень, и потому он полз по борозде на коленях. Оттаскивать наполненные ведра и высыпать их в тракторную тележку он тоже отказывался, ссылаясь на то, что борта тележки очень высокие и он до них не дотягивается. Эта забота досталась мне, но я не был на него за то в обиде. Он оказался весьма болтливым, балагуром, и мне с ним было не скучно, все над кем-то или над чем-то «прикалывался»:

– Саня, – то пытливо всматриваясь вдаль, то игриво тыкаясь лбом мне в плечо, пищал он томным голосом, – скажи мне, дружище, что там? Конец борозды или горизонт?

Мне его шутки казались забавными, и я старался подыграть:

– Горизонт, Аркаша, успокойся. Это горизонт.

– Ну слава богу, – облегченно вздыхал он, – это же лучше, чем ничего?! Правда?!

Соседи, что собирали картошку слева и справа от нас, до которых доносились наши голоса, посмеивались.

День был погожим, солнечным, ярким, но не знойным, не жарким. В освежающем ветерке чувствовалось дыхание осени.

За день кропотливый физический труд не изнурил наши молодые тела. Вечером возле домашнего колодца, взбодрившись прохладной колодезной водой и переодевшись в чистые

одежды, мы с Петром отправились на прогулку до деревенского клуба, где собрались такие же, как мы, не шибко утомленные дневной работой. Среди девчонок я заметил Наташу. Теперь я уже знал, как зовут ту, за которой я сюда потянулся. Увидев ее, слегка оробел, вблизи она показалась мне еще привлекательнее, чем сидя на лестнице или когда мелькала в толпе во время рабочей суеты. Преодолевая робость, я старался держаться к ней поближе, лихорадочно в уме перебирая темы, с одной из которых мог бы начаться наш разговор, и не находил подходящей. Однако приглядевшись повнимательнее, я заметил, что она, пожалуй, и не ждет от меня какого-либо разговора. Замечаю, что при каждом моем приближении она меня сторонится, прячется за подружек.

Чем же я ее смущаю? Не пойму. Так, озадаченный этим вопросом, молчком и протоптался весь вечер. Когда ж пришла пора расходиться, девчонки неторопливо, но дружно тронулись на ночлег всей своей девичьей гурьбой. Их поселили всех скопом на самом краю деревни, в большой пустующей избе. Наша с Петром была рядом. Я предложил ему:

– Давай девчонок проводим.

Он согласился. В провожатые вызвались еще несколько пацанов, в том числе и мой напарник по картофельной борозде Аркаша, который непрекращающейся болтовней своей замкнул на себя внимание всех собравшихся. Пацаны, не перебивая его словесный поток, молча слушали, девчонки похихикивали.

– Поперек одного большого леса протекала широкая река, – декламировал очередной анекдот Аркаша. – Зверям одной половины леса очень хотелось на другую половину, и наоборот. И решили они построить через реку мост. Как это сделать? Надо достать стройматериал. На общем сходе с просьбой о выделении стройматериала в министерство по строительству решили послать Волка. Он решительный, он напористый, боевой – он этот вопрос пробьет. Отправили Волка. Денек-другой ждут-пождут, на третий ползет Волк, уши поджал, спину сгорбил, хвост плетью по земле волочится. По всему видно, не сладилось дело у Волка. Звери погрустили, Волка простили, отправили Лиса. Тот пошустрее, похитрее, поизворотливее – он справится. Ждут-пождут – Лис возвращается с тем же, то бишь ни с чем. У зверей голова в напряге. Мост-то нужен. Кого ж еще послать? Ничего лучше не придумали, как отправить в минстрой Осла. Послали, а сами уж ничего от него и не ждут. Какой спрос с такого посланца? Как вдруг на лесную поляну стали прибывать строительная техника и стройматериалы: щебень, песок, цемент, арматура, доски и т. д. и т. п. Идут непрерывным потоком, состав за составом. А следом на черном «членовозе» везут пьяного Осла. Сбежались все звери, дивятся. «Как это тебе удалось?» – его спрашивают. А он таращится мутным взглядом тупой своей башки и, икая, заплетающимся языком отвечает: «Дык, дело-то плевое. Захожу я в министерство, гляжу – там все свои. Меня только и спросили: «Ты мост-то как собираешься строить, вдоль или поперек реки?» Я говорю: «Вдоль!» И все – вопрос решен. Мы это дело, как полагается, «обмыли».

Байка понравилась. От души посмеялись, кто-то решил уточнить:

– Аркаша, это ты про что? Про блат, что ли? Сейчас блатных не любят. Борются с этим.

– Да, да, – задорно отвечал Аркадий. – Сообразили как-то умники, что блат – это зло. Решили его похоронить. Изловили, уложили его в гроб, накрыли крышкой, глядь, а нужных гвоздей-то, чтоб крышку заколотить, и нету. Что делать? Пришлось блат из гроба вытаскивать и идти по блату гвозди доставать.

Уж и не знаю, над чем больше смеялись, над анекдотами или над умением Аркаши их подавать. Но скучно не было точно.

Вдруг неожиданно все вокруг притихло. Не чувствовалось даже легкого дуновения ветерка, не слышно собачьего лая, скрипа дворовых построек, шелеста листвы, иных привычных звуков. Все замерло, и в этой тишине повисло необъяснимое, но ясно осязаемое напряжение. Не сговариваясь, наша толпа остановилась, девчонки сгрудились в кучу, плотно прижа-

лись друг к другу, ребята в растерянности обступили, окружили их. Тут кто-то поднял руку вверх и выкрикнул:

– Смотрите!

На небе было две луны, одинакового размера, одинаковой формы, одинаковой яркости. Видеть такое было удивительно. Вся природа, казалось, была в изумлении. Небесное явление приковывало взгляд.

Все запрокинули головы, молча наблюдая за происходящим. Вскоре стало заметно, что одна из лун прибывает размером, растет, становится крупнее. Вот она уже вдвое, втрое больше другой, настоящей, и продолжает расти, при этом очертания ее бледнеют, размываются. Со временем это уже прозрачная дымка большого облака, сквозь которое, как сквозь вуаль, просвечивают яркие звезды. Когда облако расползлось примерно на половину небосвода, напряжение заметно спало. Почувствовалось дуновение ветерка, заскулила шальная собака, прокукарекал петух, стали проявляться прочие шорохи и звуки.

– Что это было? – толкнул меня в бок Петр.

– Может, ракету какую испытывают? – высказал я свою догадку.

– Разве ракеты так летают? Все небо в копоти, – не переставал удивляться Петр.

– Не знаю, не видел. Надо будет на Байконур попасть, поглядеть.

– Ишь, чего захотел. Какой Байконур, когда вон картошка еще не выкопана, – встрепенулся Аркаша.

Тут и остальные очнулись от оцепенения, зашевелились, и мы продолжили свой путь. Неторопливо добрели до края деревни, куда были определены на постой наши девочки. Задерживаться у крыльца они не стали, заторопились в дом.

Я окликнул Наташу. Попросил ее не спешить, мне хотелось задержать ее хотя бы на минуту. В ответ она, толкаясь с подружками, замешалась в толпе. Когда дверь за девчатами закрылась, в их помещение ломиться никто не стал. Мы развернулись и отправились восвояси.

По дороге я с грустью прикидывал: «Автобус номер тринадцать, небесное знамение, демонстративное нежелание Наташи откликнуться… Да, не к добру, похоже, все это. Надо было ехать мешать бетон, достраивать коровник».

Однако картофельные дела наши продолжались. То в поле, то в столовой с Наташей мы часто пересекались, и я не оставлял попыток заговорить с ней, но тщетно – от каких-либо разговоров, пусть даже самых обыденных, невинных, она проворно увиливала. Это больно царапало мое самолюбие, настораживало, заставляло призадуматься, что ж во мне противного, отталкивающего? Чего сейчас я делаю не так? Сколько себя помню, девичьим вниманием я не был обделен – и вдруг такой облом, не могу даже поговорить с понравившейся мне девушкой. И чем больше я к ней присматривался, тем более яркой, привлекательной, манящей она мне казалась.

Мысленно я отстранился тогда от всего, что происходило вокруг, в то, чем был занят, оставался не вовлеченным, делал спустя рукава, кое-как, машинально. Все мысли были о Наташе. Я ждал и представлял тот миг, когда настроение ее переменится, она не отшарахнется при моем появлении и начнем мы, наконец, спокойный задушевный разговор. Побредем куда-нибудь, и никто и ничто не будет нам помехой. Как же будет это глубоко, проникновенно, душевно, так чудесно, что захочется тому мгновенью приказать «замри».

Мечты, мечты… Сегодня возле столовой я заметил, что она выглядит чем-то озабоченной и держится как-то особняком. Еще толком не сообразив, о чем с ней говорить, я не спеша направился в ее сторону. Мое приближение она заметила, и, похоже, это опять ее не обрадовало. Она встрепенулась и упорхнула, как испуганная пташка.

– Эх, Наташка, Наташка… – досадовал я.

Я ж видел и понимал – случилось что-то, и хотел помочь ей, а она шарахается от меня, как от чумного. Досада овладела мною настолько, что я потерял аппетит. Не садясь за обеден-

ный стол, ушел, побрел на берег мутного пруда и долго в задумчивом небытии стоял там, разглядывая барахтающихся в болотной тине уток.

В тот день я больше не пошел на поле. Вернулся во временно приютившую нас с Петром избу, не раздеваясь, брякнулся в кровать и до вечера бесцельно провалялся, тупо таращась в потолок.

Хозяйка дома пару раз окликнула меня:

– Чавой-то ты? Нешто захворал?

– Да, – согласился я, – что-то занеможилось.

– Может, докторшу позвать? Танька тут у нас – девка добрая, чуткая. Порошки у ней есть всякие.

– Да нет, не надо. Чего я ей скажу? Что устал?

– Вот ведь како дело. Устал. Неделю еще не проработали, а он уж устал… Чудно… Ну, поваляйся, нынче день-то уж к вечеру, а к завтрему оклемайся, на работу ступай, а то ведь хватятся тебя, поругают.

– Ладно, – согласился я, лишь бы бабка отстала, хотя перспектива снова выйти в поле, средь копошащейся толпы снова увидеть Наташу, смотреть ей вслед, осознавать ее неприступность и переживать это… Нет, это было уж слишком, слишком больно. Как унять эту боль? Как скрыть ее, чтоб не выставляться на посмешище окружающим? Как с этим справиться?

Терзаемый этими мыслями, я провалялся до вечера, так толком и не отдохнув и не обретя успокоения.

Вернулся с работы Петр и припер меня тем же вопросом, что и бабка:

– Ты чего это сачкуешь?

Я отмахнулся от него, и он, слава богу, приставать с дотошными расспросами не стал, перевел разговор на другое:

– Нас сегодня отпустили с поля пораньше. Миркушкин приехал. На вечер объявили комсомольское собрание.

– Это кто ж такой?

– Здрасьте… Начальство надо знать и по фамилии, и в лицо. Год проучился, а университетского комсомольского вожака не знаешь?

– Да что-то не припомню. Кажись, не встречались.

– Вот и увидишь, и познакомишься.

– А оно мне надо?

– Не балуй. С поля удрал, все сделали вид, что этого не заметили. Не явишься на собрание – получишь нагоняй и за то, и за это. Хватит ваньку валять. Подымайся, умывайся, одевайся, пойдем. Время уже.

Спорить, отбрыкиваться я не стал, и малое время спустя мы были уже в клубе.

Войдя в помещение, предложил Петру не зарываться в толпу, а притулиться в заднем ряду, ближе к выходу. Он не возражал. Так мы и сделали.

Вскоре зал клуба заполнился. На невысокую сцену вышел приехавший секретарь комсомола университета Николай Иванович Меркушкин со свитой из сопровождавших его помощников и наших кураторов.

Взяв слово, наш куратор, представил приехавших, попросил собравшихся в зале студентов поприветствовать их аплодисментами и передал эстафету выступления Меркушкину. Тот поставленным голосом тренированного оратора поблагодарил всех собравшихся за радушный прием, за оказываемую колхозу помощь, отметил важность выполняемой нами работы. Речь его текла ровно, гладко, он мог еще говорить и говорить в том же духе, но отчего-то решил оживить эту встречу и обратился к собравшимся:

– Большинство из вас только что стали студентами. Несколько человек уже год отучились и наверняка побывали на университетских мероприятиях – и спортивных, и развлекательных. Скажите, помимо учебы, к чему хотелось бы вам еще приобщиться?

В ответ на это рядом сидящие плотнее прижались друг другу, начали перешептываться. Желающих вступить с комсомольским вожаком в диалог как-то не находилось. Образовалась пауза, и она явно затянулась. Тогда оратор, скользнув внимательным взглядом по головам студентов, ткнул пальцем в ерзающего Аркашу Пеккера:

– Ну, вот вы, молодой человек, я же вижу, у вас есть что сказать.

Ой, лучше б он Аркашу не трогал. Малость погодя он об этом точно пожалел.

Аркаша от прямого обращения к нему нисколько не оробел, тут же отыскал тему для обсуждения и уверенно затараторил:

– Да, я знаю, чем хочется заняться на досуге, окромя, знамо дело, картошки. У меня есть знакомые среди «вчерашников», они меня приглашали, и я хочу попасть в этот коллектив.

– О чем это он? – обратился ко мне один из сидящих рядом первокурсников.

– Об университетском вокально-инструментальном ансамбле. «Вчера, сегодня, завтра» он называется, или, попросту, «вчерашники», – опередил меня с ответом Петр.

– Понятно, – удовлетворился ответом наш сосед.

Меж тем Аркаша продолжал:

– Только вот они откровенно жаловались, что с вашей стороны к ним ноль внимания. Аппаратура у них древняя, разномастная, с горем пополам собранная. Усилители, колонки – самопальные. Как на этой рухляди они играют? Ума не приложу.

– Да что вы? – возразил Меркушкин. – Я бывал на их выступлениях не однажды. Классные ребята. Здорово играют.

– Ребята-то классные, а вот про аппаратуру так не скажешь. На чем они бренчат, вы знаете?

– Знаю, на «Тониках».

– Вот именно, на «Тониках», как шантрапа из подворотни. Сколько им эту рухлядь добивать? А почему не на Meazzi, Welson или Wandre?

– Ну, вы, молодой человек, махнули! Да наша «Тоника» нисколько не хуже…

Лучше бы вожак не возражал. Заведенный его словами Аркаша как из пулемета начал строчить сравнительными характеристиками инструментов. По его словам, наши во всем проигрывали. Меркушкин продолжал возражать, но как-то вяло. Чем больше тот возражал, тем активнее Аркаша закапывал его своими познаниями в музыкальной технике.

Народ, наблюдая за их перепалкой, заметно повеселел, оживился, однако никто из присутствующих в их спор не встревал, предпочитая позицию стороннего наблюдателя.

Со временем тема спорщиков утомила. Каждый остался при своем мнении. Вожак, пользуясь своим более высоким и тем самым выигрышным положением, пообещал Аркаше подумать над его предложением по обновлению инструментальной начинки «вчерашников» и перевел разговор на другое, за чем похоже, собственно, он к нам и пожаловал:

– В этом районе колхозам помогают с уборкой несколько групп студентов. Штаб по организации работ находится в райцентре, в Шайгово. Штаб возглавляет товарищ Крысин, он главный куратор района. Район большой, студенческих групп много, он жалуется, что за всеми уследить не успевает. Просит помощника. Есть желающие?

В ответ – тишина. После некоторой паузы он добавил:

– Что конкретно нужно делать, Крысин объяснит при встрече, на месте.

Смелых не оказалось. Оробев, понурив головы, студенты затихарились.

Все время собрания я ерзал на своем месте, клубное деревянное кресло казалось мне жестким, неудобным. Наташа была здесь, затерялась средь толпы, и я ловил себя на мысли, что пытаюсь взглядом отыскать ее, и как только это замечал, тут же одергивал себя, перево-

дил взгляд на сцену, усилием воли заставлял себя не смотреть в ее сторону. Такое внутреннее бодание с самим собой терзало душу. Я ясно осознавал, что не будет мне покоя ни завтра, ни послезавтра, пока я вижу ее демонстративное равнодушие ко мне. Мне с этим трудно смириться. А потому, наверное, то, что сейчас прозвучало со сцены, я воспринял как палочку-выручалочку, как подходящий вариант избавления от пустых, бесплодных терзаний. Что там придется делать, чем помогать этому Крысину, мне было все равно, главное – это весомый предлог смотаться отсюда поскорее и не встречаться больше с Наташей.

Пока другие соображали, я решительно встал, поднял руку высоко вверх и, как мне показалось, громко выкрикнул:

– Я согласен!

Однако это не смутило остальных. Никто не назвал меня выскочкой. Скорее, наоборот, по толпе прокатился коллективный вздох облегчения. Вопрос решен. Всем можно расслабиться.

До конца собрания прозвучало еще несколько реплик, ненавязчивых наставлений, пожеланий успешной дальнейшей работы, и этим оно завершилось. Собравшиеся не торопясь, небольшими группами и по одиночке начали расходиться.

Меня пригласили на сцену. Наш куратор поблагодарил за смелость и решительность, подсказал адрес, куда надлежит явиться для встречи с товарищем Крысиным. Это не заняло много времени. Вскоре я был в приютившей меня избе и под удивленные взгляды Петра и хозяйки дома собирал свои вещи.

Поутру рейсовым автобусом я уехал из Конопати.

Выйдя на большак, автобус повернул в противоположную нужной мне сторону. Пришлось с него сойти. Я перешел дорогу и стал голосовать.

Вскоре удалось тормознуть «уазик». Водитель в «козелке» оказался один. Я расположился на соседнем с ним переднем пассажирском сиденье, и мы с ветерком покатили. Дорога хорошая, лишь временами «козлик» на кочках резво подпрыгивал, пытаясь стряхнуть меня с сиденья. Однако это не смущало меня, я крепко вцепился в скобу поручня и готов был ехать и ехать. Прокралась мысль: «Мы совсем скоро доскочим до Шайгова, а я еще вдоволь не накатался». Подсаживая, водитель сообщил мне, что едет гораздо дальше, в Краснослободск, а ведь это совсем рядом с родительским домом. Отправляя с заданием, мне сообщили адрес, но время приезда не было оговорено, и я решил, что если денек побуду дома, то это дело не испортит. Так и сделал. В Шайгове выходить не стал. К обеду был у родителей.

Появление мое случилось неожиданным, радостным. Старшеклассница сестра по-детски прыгала и хлопала в ладоши. Бабенька, улыбаясь, прослезилась. Мать удивилась:

– Как так?

Когда ж я объявил о моем новом важном назначении, это было принято с одобрением, с гордостью.

Отец, внимательно выслушав мои объяснения, задумчиво уточнил:

– К кому ты в Шайгове-то должен явиться?

– К товарищу Крысину, главному куратору студенческих работ в районе, – бодро отвечал я ему. – Меня назначили его помощником.

– А ты уверен, что фамилию его правильно расслышал? Может он Рысин, а не Крысин? Переврешь фамилию – обидится. Точно не знаешь – лучше умолчи, называй его по имени-отчеству.

Тут на меня накатил страх. Как же я раньше не догадался уточнить это? Как мне теперь с ним общаться? Фамилию страшно произносить, можно переврать, а имени и отчества его я и вовсе не знаю. Неловко получается…

Остаток дня помогал родителям по дому, по хозяйству. Про Наташу старался не вспоминать, вопрос с фамилией больше прочих занимал мои мысли.

Но волнения мои по этому поводу оказались напрасными, ситуация разрешилась сама собой. На следующий день я добрался по указанному адресу и лишь только вошел в штабное помещение, как тут же уткнулся в крупного лысого дяденьку, который окликнул меня:

– Вы, молодой человек, похоже от Меркушкина?

– Да, – робко ответил я, – по его поручению.

– Очень хорошо. Тут такое дело. В Аненкове картошку убирают математики. У назначенного к ним куратора случилась беда, пришлось отпустить его на похороны родственника. Надо кем-то его на время похорон подменить. Вот туда и поедешь. Народу там немного, в основном девчонки – справишься. Молоденькие все. Присматривай, чтоб их там не обижали. Похороны – дело недолгое, их куратор, думаю, скоро вернется.

Не затягивая разговор, лысый без проволочек проводил меня до дежурного «уазика», отдал распоряжение водителю, и вскоре я был в Аненкове, знакомился с очередной старушкой, пустившей меня в свой дом квартировать. Она оказалась много словоохотливее предыдущей, долго расспрашивала обо мне, о моих родителях, о родственниках. Я без утайки отвечал на ее вопросы. Старушка с интересом слушала. Угощала козьим сыром, свежим молоком с пышными лепешками домашней выпечки. Постелила для меня чистую постель, в которой было тепло и уютно.

За ночь я хорошо отдохнул. Собрался и пошел в колхозную столовую. А там за завтраком познакомился со студентами-математиками. При этом мне было жутко неловко, ведь мы были ровесниками. Вот закончится завтрак, они подхватят ведра и уткнутся в борозду, а я, не сгибая спины, буду за ними наблюдать. Все как-то нелепо и странно, поэтому пытался скрыть свои смятение и робость под маской напускной серьезности. Со стороны все это, наверное, выглядело глупо. Девчонки украдкой косились в мою сторону, перешептывались, посмеивались. Я это замечал и оттого робел пуще прежнего, пуститься в разговоры – еще в более дурацком положении высветиться. Надувал щеки и молча наблюдал за происходящим.

Мне очень хотелось встретить здесь симпатичную приветливую девушку, познакомиться и, может, даже задружиться с ней и забыть про Наташу. Однако в девичей толкучке я, к моему разочарованию, такой не приметил.

Позавтракав, неторопливою гурьбой мы вышли на картофельное поле. К этому дню погода переменилась. По небу поплыли низкие, тяжелые, темные облака. Солнце меж них если и проглядывало, то ненадолго. Дул холодный осенний ветер. На ветру девчонки ежились, торопливо выбирали картошку. Набранные ведра быстро опустошали в телеги и вновь возвращались к борозде.

Я наблюдал за этим рабочим процессом со стороны, никоим образом не включаясь в него, торчал, как столб на осеннем ветру, и со временем стал замечать, что холодок меня пробирает. Мне б подключиться, пошевелиться, потрудиться и в работе согреться, но нет, я важничал, изображая из себя начальника, и к окончанию дня заметно продрог.

Явившись на квартиру, принес с собой озноб и долго в теплой избе не мог согреться. Приметив это, бабка напоила меня горячим молоком с медом, однако это не помогло, к утру у меня поднялась температура. Я почувствовал жуткую слабость и на работу решил не выходить.

С этой дурацкой простудой я провалялся в постели четыре дня. На пятые сутки под вечер вернулся отъехавший куратор и, сказав, что двоим соглядатаям тут делать нечего, сочувствуя моему болезненному состоянию, отпустил меня.

На этом картофельная эпопея той осени была для меня завершена, восстанавливать здоровье и рассеивать грустные думы о Наташе я вернулся домой.

Кутаясь в эти воспоминания, я незаметно, тихо уснул в своей еще не обжитой байконурской обители.

Арестованный паспорт

Утром следующего дня Алексей забежал за мной. У меня не было будильника, да он мне и не был нужен, я легко без него обходился. Засыпая, указывал себе, во сколько следует проснуться, и в нужное время глаза мои открывались. Так было и сейчас. К моменту появления Алексея я поднялся и собрался. К назначенному часу мы явились в экспедицию. Слова «офис» в те годы в нашем лексиконе не существовало. Место расположения руководства, как и все наше инженерное сообщество, звалось одним словом – «экспедиция».

Наши попутчики, Анатолий и Николай, были уже там. Когда мы протиснулись в кабинет начальника и поздоровались с ним, я приметил, что Олег Николаевич посматривает в мою сторону с некоторым подозрением. Поприветствовав нас, он без лишних рассуждений раздал всем паспорта с вложенными в них талонами и пропусками. Потом попросил всех пройти на инструктаж к главному инженеру.

Странно, но мне ничего не досталось. Когда мужики потянулись к выходу, начальник киношно обратился ко мне:

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться.

Это обстоятельство смутило меня, а он продолжил:

– Послушай, Александр, ты человек здесь новенький, я ничего о тебе не знаю. За тобой никаких грехов не числится?

– Не знаю, – растерянно ответил я ему. – Вроде нет. А что случилось?

– Пока ничего особенного. Документ твой местная милиция арестовала. Начальник паспортного отделения ничего объяснять не стал. Сказал лишь: «Пусть этот сам ко мне придет». Иди.

– Куда? На инструктаж?

– Какой тебе инструктаж? Ступай в милицию. Выручай свой арестованный паспорт.

Я шел по пыльным серым улицам незнакомого мне города и замечал поваленные ветром новогодние елки. Они сиротливо валялись на голой, изрытой многочисленными канавами земле. Уличное пространство выглядело необихоженно. Мешая проходу, на уровне чуть ниже пояса вдоль дорог тянулись водопроводные трубы. Неаккуратно обмотанные, они помахивали на ветру растрепанной теплоизоляцией. Был бы снег, прикрыл бы эту стыдобу, но его не было, и это в середине-то зимы, сразу после Нового года. Все, что сейчас виделось, никак не вязалось с устоявшимися представлениями об этом сказочном, красочном, заснеженном празднике. Однообразные, безликие строения, мимо которых я брел, выглядели уныло и мрачно. Сквозь эту железобетонную серость я топал в милицию с беспокойными мыслями о паспорте. «На кой леший он им сдался? Чего они в нем нашли крамольного? Прежде чем попасть в эти края строгих правил, я столько поназаполнял анкет, столько прошел проверок „на вшивость“ – и вот на тебе здрасьте… Что еще не так? Интернирован не был, в плену не был, родственников за границей не имею. Три года провел в тюрьме. Неужели это тюремное прошлое всплыло и оказалось сейчас под подозрением?» Иду гадаю, к чему тут могли придраться?

В душевном смятении отыскал местную милицию, паспортное отделение и кабинет начальника. В милицейских коридорах пусто. Торчу под дверью, переминаюсь с ноги на ногу, не решаясь войти, однако надо.

Вхожу и… Елы-палы! Чего я вижу! За столом начальника мой однокурсник Иван Ципляков. Вот это встреча…

– Иван, ну ты шутник. Чуть заикаться меня не заставил. Это ты арестовал мой паспорт?

– Я. Здорово, дружище!

– Здорово, здорово. Ну, напугал. Мой начальник меня уже в неблагонадежные записал. Ну, ты даешь.

– Да я, когда твой документ мне в руки попал, сам немало удивился. Столько лет ни слуху ни духу, и вот ты здесь.

Он вышел из-за стола, шагнул мне навстречу, мы рассмеялись и по-дружески крепко обнялись.

– Спешишь, небось? Запоминай мой адрес, заглядывай вечерком. Ната у меня манты классно готовит. За рюмкой чая вспомним о былом студенчестве, посидим, потолкуем.

После этой неожиданной встречи я, облегченно вздохнув, вернулся к своему начальнику. Рассеял его подозрения о неблагонадежности, прошел у главного инженера запланированный инструктаж. Остаток дня провел в походах по магазинам, отоваривая полученные продуктовые талоны на гречку, тушенку, сгущенку, макароны. К Ивану в гости решил забежать попозже, как-нибудь в выходной.

Эта неожиданная встреча еще более ярко пробудила мои воспоминания о студенческих годах, наполнила их новыми, живыми, яркими красками юности.

Первое свидание

Ясно припомнилось, как после картофельной эпопеи я вернулся в родительский дом и там, в домашней обстановке, от накатившей было простуды не осталось и следа. Мне было еще непривычно осознавать себя гостем в родном своем доме, а ведь я заглядывал сюда все реже и совсем ненадолго.

Свободные дни проскочили быстро. Пришло время ехать в город, в университет, для продолжения учебы теперь уже на следующем, втором курсе, в статусе полноправного студента дневного отделения.

Начало семестра – время веселое, беззаботное, до сессии еще ой как далеко. Встречаемся, общаемся, дурачимся с однокурсниками. Устраиваем походы в кино, находим поводы для посиделок у кого-то на квартире или в общежитии. Встреченный сегодня мною Иван на таких посиделках, как правило, был бодр и весел, к спиртному никогда не прикасался. В ответ на приглашение отведать горячительного у него всегда в запасе был свежий анекдот, тем и отбрехивался от назойливых приставаний с выпивкой.

Одну из таких тусовок оформили как посвящение в студенты. Кроме меня, еще несколько человек были переведены с вечернего отделения на дневное, всех и чествовали.

С пафосом, под аплодисменты собравшихся Петр, активист и организатор наших встреч, вручил мне картонную самоделку с надписью «студенческий билет», на развороте которой помещена была моя фотография в обрамлении двойного интеграла и забавный стишок:

Скажи-ка, Саша, ведь недаром
С зачетной книжкою в руках
На матанализ впопыхах ты с нами шел.
Ты интеграл неисчислимый раньше взял…
И вот желанный миг настал:
Студентом был – студентом стал!

Такое внимание товарищей приятно радовало. Смущен и искренне всем благодарен. Словом, жизнь кипит.

Во время учебы, перебегая из аудитории в лабораторию и обратно, пересекаемся с первокурсниками. Взгляд мой непременно выхватывает из толпы Наташу. Со вздохами и грустью смотрю ей вослед. Никак не могу смириться с тем, что я ей совершенно безразличен.

А тут как-то Петр притаскивает фотографии, которые он отпечатал, вернувшись из колхоза. Среди этих фоток я замечаю те, которые были сделаны по моей подсказке.

– Петр, – обращаюсь я к нему, – ты пленку с негативом не выбросил? Дай мне, пожалуйста, вот эти фотки, с Наташей, а ты, если надо, себе еще отпечатаешь.

Так в моих руках оказался бесценный фотоклад. Украдкой, сторонясь чужих любопытных глаз, я подолгу разглядывал их. С этих снимков Наташа смотрела мне в глаза прямо и открыто, не уворачиваясь, и это было чертовски приятно. Налюбовавшись вволю, я стал соображать, что же делать с ними дальше? И решил оставить себе одну, ту, на которой Наташа сидела высоко на лестнице, а остальные передать ей. Для нее это будет неожиданно и, наверное, порадует.

Но следом мою затуманенную голову посетила иная мысль. А вдруг она спросит: «Откуда это? Я, – скажет, – тебя об этом не просила. Ты что, за мной шпионишь?» Возьмет да отшвырнет их и тем добавит мне очередную порцию досады.

Эти мысли меня смущали и не позволяли решиться подойти к ней.

Не помню, сколько дней я этим состоянием терзался, как вдруг мне кое-что попутно подвернулось. В город приехал ВИА «Поющие гитары». Случайно, как-то необычно легко, достались мне два билета на их концерт. На билетах косым синим штемпелем, привлекающим внимание, было отпечатано слово «БАЛКОН».

Тогда я решил так. Покажу Наташе фотографии, отшвырнет – схожу на концерт, успокоюсь. Примет фотки по-доброму – покажу ей билеты, предложу пойти со мной на концерт, и будь что будет. С этой задумкой я, преодолев свою робость, подошел к ней на одной из перемен.

– Привет, Наташа.

– Привет.

– Погоди, не убегай. Я тебе кое-что покажу.

С этими словами я протянул ей фотографии. Она взглянула на них и, радостно улыбнувшись, воскликнула:

– Это ты мне? Ну, спасибо. Здорово. Пойду девчонкам покажу.

– Постой. Это еще не все. «Гитары» тут с гастролями. Ты хотела бы пойти на их концерт? – Я протянул ей билеты.

Она приняла их с осторожностью. Долго разглядывала. Я чувствовал, что что-то ее смущает, потом, после долгой паузы, тихо промолвила:

– Хорошо, я подумаю, – и протянула билеты мне обратно.

– Нет, нет, – возразил я, – ты оставь их у себя и думай. До концерта еще три дня, время есть.

На том и расстались.

В день, когда должен был состояться концерт, мы встретились вновь, и, поздоровавшись, я напомнил ей:

– Наташа, сегодня концерт. Я буду ждать тебя у входа во Дворец.

– Хорошо, – ответила она и убежала.

В нетерпении я явился к дверям Дворца культуры более чем за час до начала концерта. Погода была по-осеннему прохладной. То ли от холода, то ли от волнения меня колотило, пробирала дрожь, и я мотался туда-сюда перед дверьми Дворца культуры в попытках согреться. С нетерпением вглядывался в ту сторону, откуда Наташа должна появиться, пытался приметить ее издалека. Но появилась она как-то внезапно и быстро оказалась совсем рядом. Когда она подошла, я встретил ее растерянно, молча, а она улыбнулась и смело бросила:

– Идем?

– Да-да, – согласился я и, споткнувшись, неуклюже толкнул входную дверь.

Наташа предъявила контролеру билеты, и мы прошли к гардеробной стойке. Я освободился от куртки, помог ей снять бардовое осеннее пальто, передал вещи вахтерше, принял от нее номерок, и… все это как-то машинально. Я не сводил с Наташи глаз, не обращая внимания на суетящихся вокруг людей. На ней было плотно облегающее ее стройную фигуру черное платье чуть ниже колен. Черные туфли на невысоком каблуке удачно дополняли ее вечерний наряд. Все аккуратно и строго, ничего лишнего, даже маленькая серебряная брошь на левом плече поблескивала, будто звездочка на темном ночном небосводе, и была очень даже уместной. Ее густые волнистые темные волосы свисали до плеч. Время от времени Наташа встряхивала ими, высоко запрокидывая голову. Меня эти движения завораживали, я мог смотреть на них бесконечно. Душа моя пела, парила от счастья, а вот мысли разбежались и язык изрядно заплетался:

– Наташа, я шоколадку купил, «Аленку». Хочешь?

– Ну, давай!

– Ой, – хлопнул я себя по карманам пиджака, – а она в куртке осталась. Погоди, я сейчас сбегаю. Я быстро.

– Ладно, не надо. Пойдем в зал. Скоро уже начало.

Она задорно улыбалась, а мне отчего-то было жутко неловко. Возражать ей не стал, пошел следом.

Зал был полон, но мы без труда отыскали свои места, заняли их, и вскоре на сцене появились нарядно одетые артисты. Они взялись за свои инструменты, зазвучала приятная музыка. Концерт начался.

На ритмичную мелодию ложились волшебного смысла задушевные слова: «Люди встречаются, люди влюбляются, женятся…» А следом: «Для меня нет тебя прекрасней…», «Если выйдешь ты мне навстречу…», «Вечерний город». Все красиво, и все так кстати. Неземные звуки, небесные мелодии…

Мне показалось, что представление проскочило очень быстро. Во время концерта мы почти не разговаривали, будто подтверждая расхожую побасенку о том, что с любимым человеком не скучно и помолчать.

Я был под большим впечатлением от нашей встречи, от концерта, песни еще звучали в моих ушах, но вот мы уже у подъезда ее дома, и пока я морщил лоб, соображая, что сказать, Наташа начала разговор первой.

– Саша, – негромко, но внятно сказала мне она, – спасибо тебе за приглашение. Хороший был концерт. Я рада. Только не надо больше за мной ходить. Ты интересный парень, но знай: у меня есть другой. Он тоже Саша, и он не такой, как все. Он мой односельчанин, мой одноклассник. В школе мы сдружились и договорились вместе поступать в университет и вместе учиться.

– И где же он? Что-то никого возле тебя я не приметил на картошке.

– Да, он не был на картошке, и в университете мы не ходим за ручку. Демонстрировать наши отношения нам ни к чему. Видел ты его. Он плотный такой, с широкой открытой улыбкой, и волосы у него приметные: пышные, пепельного цвета. Это мой парень, и у нас все хорошо. Я замечаю, что ты в мою сторону посматриваешь, и давно хотела тебе об этом сказать. Вот случай и представился. Спасибо тебе за концерт.

Это свидание, вселявшее в меня столько надежд, так грустно закончилось.

Я не спешил вернуться к себе на квартиру. Долго бродил по аллеям Пролетарки, но развеять грусть-тоску никак не удавалось, надолго тогда в душе моей она поселилась.

Да, было дело, но сейчас совсем иное.

Знакомство с объектом

Поутру, в означенное время, к гостинице подъехал служебный автобус ЛАЗ «Турист». Мы с Алексеем и еще несколько человек, пока незнакомых мне, зашли в него, автобус тронулся. Гостиница наша была расположена почти в центре города. Автобус повез нас по прямым городским улицам в сторону Тюратама, притормозил в шестом микрорайоне, выстроенном на окраине. Здесь наш транспорт почти полностью заполнился, так как большинство сотрудников были расквартированы тут в панельных, недавно отстроенных пятиэтажках микрорайона. Возле некоторых домов торчали строительные краны, жилищное строительство в микрорайоне продолжалось.

По всему было видно, что большинство заполнивших автобус были знакомы, приветливо друг другу улыбались, о чем-то негромко разговаривали. Практически все, включая женщин, были примерно одинаково одеты в широкие, пошитые из овчины, покрытой грубой плотной тканью, типа брезентухи, полупальто или куртки. На вид такая одежда выглядела неказисто, особенно на женщинах, зато очень хорошо спасала от порывов степного, холодного, пронизывающего ветра.

Один из вошедших, мужчина лет сорока, среднего роста, коренастый, улыбчивый, кроме массивной сумки, которые были у всех входящих, волочил за собой еще и тяжелую железную двадцатилитровую канистру. С трудом он разместил свой багаж возле свободного сиденья сбоку от нас. Усевшись, поприветствовал Алексея. Следом в узкий автобусный проход протиснулась и подсела к нему крупная дама.

– Это семейная пара, – не привлекая их внимания, тихонько подсказал мне Алексей, – Виктор и Нина Кузнецовы. Будем вместе работать.

Попыхтев, поудобнее разместив свое грузное тело, Нина, не обращая особого внимания на мое присутствие, окликнула Алексея:

– Леша, когда прилетел?

– Позавчера. Добирались через Актюбинск. Тут, говорят, сильно мело, пришлось подъезжать поездом.

– Да не то чтоб уж очень-то и мело. Как обычно, – высказалась Нина.

– Это смотря с какой стороны. Если ветер дует вдоль посадочной полосы, это одно, а если поперек, то для самолета четырнадцать метров в секунду критично, может снести, – поправил ее Виктор. Но дальше этого разговор не пошел.

Автобус громко рявкнул, похырчав шестеренками коробки передач, вздрогнул, дернулся, после чего тронулся. С натужным ревом, медленно разгоняясь, он повез нас к месту работы. Мы проехали мимо железнодорожного тупика со стоявшим там на рельсах мотовозом, мимо городского рынка, телефонной станции. Промелькнуло несколько памятников, но я не сумел разглядеть кому. А вот полноразмерный макет ракеты «Союз» (памятник прославленной королевской «семерке») вполне угадывался. На выезде из города Алексей толкнул меня в бок, подсказывая:

– Глянь направо. Это гостиница космонавтов.

По виду здание гостиницы не было чем-то примечательным. Если бы не подсказка Алексея, я б о такой его особенности и не догадался.

Выезжая из города, тормознули у КПП (контрольно-пропускного пункта). Молоденький солдатик мельком осмотрел наши пропуска, проворно выскочил из автобуса, и мы поехали дальше.

Узкая ухабистая дорога вовсе не соответствовала моим представлениям об устройстве космодрома. За время пути автобус то трясло, то сильно раскачивало. Натыкаясь на дорожные выбоины и кочки, наш молодой водитель часто и порою резко притормаживал, будоража тем

сонливых пассажиров. Чтоб как-то скрасить это неудобство, он на полную громкость включил автомагнитолу с кассетой Розенбаума, и по всему салону поплыло протяжное: «Ау… Ау… Ау…»

Позднее он крутил эту кассету в каждом рейсе, пока вез нас до объекта или обратно. Не знаю, как другим, мне эта музыка настолько осточертела, что я на долгие годы невзлюбил голосящего артиста. Хотя он здесь, понятно, ни при чем и многим, наверное, нравится.

Отмерив половину пути, автобус остановился у небольшой проходной. Всю дорогу Алексей не оставлял меня без внимания, комментируя все то, что проплывало за окном. Вот и сейчас он подсказывал:

– Это двести пятьдесят четвертая площадка. Здесь КИС (контрольно-испытательная станция), где готовят к старту «Союзы». А вон там, подальше – это корпуса испытательных станций для «Бурана» и ракеты «Энергия». А еще дальше, в степи, видишь, фермы топорщатся? Там два «бурановских» стартовых комплекса. Третий, что поодаль, стартовый комплекс для ракеты «Энергия». В прошлом году оттуда с макетом тяжелого спутника она уже слетала. А теперь на нее цепляют «Буран», и она должна стартовать в паре с ним.

Я с интересом выслушивал его, осматривал окрестности, вникал в обстановку.

Несколько человек здесь, на проходной площадки двести пятьдесят четыре, из нашего автобуса вышли. Кто-то из них, выходя, уточнил у водителя:

– Обратно во сколько?

– Не знаю, – равнодушно ответил тот, – как получится. Если что, возвращайтесь на мотовозе, – и закрыл за вышедшими дверь.

Поехали дальше. Всматриваясь в окрестности, замечаю на перекрестке будку с надписью крупными буквами «ГАИ». Спрашиваю Алексея:

– А это оно здесь на кой? Территория закрытая, кругом армейские посты. Гаишникам-то чего здесь делать, какое движение регулировать? Кого им здесь пасти?

– Не знаю. Наверное, табуны лошадиные. Или верблюжьи, – отшутился Алексей.

Я было замешкался, не поняв, какие табуны он имел в виду, однако вскоре заметил недалеко от дороги пасущихся верблюдов. Зимняя пора, холодный порывистый ветер, степь местами покрыта неглубоким снегом, из-под которого топорщатся серовато-коричневые кусты каких-то колючек. «И это все, что есть сейчас им на прокорм?» От этой мысли мне тех верблюдов стало жаль. Они смотрелись на фоне огромных железных ферм стартовых комплексов как-то нелепо и сиротливо. Доселе в книжках и на картинках про Байконур мне они не встречались, и теперь наблюдать за ними из окна разгоняющегося автобуса было весьма забавно.

Автобус, оставив позади проходную, поехал заметно быстрее, и трясло его теперь значительно меньше.

– Дорога вроде как пошире, поровнее стала, – высказал я свою догадку.

На что Алексей ответил:

– Так здесь же «птичку» на тележке возят. С аэродрома в КИС. Берегут, чтоб не растрясти. Вот и постарались на этом участке хорошую дорогу сделать.

Я догадался, что он говорит про «Буран». Запомнил слово «птичка», так здесь промеж себя называли этот орбитальный корабль, своим внешним видом похожий на самолет или огромную птицу. Мы ехали на аэродром Юбилейный, куда после космического полета планировалось возвращение этого уникального аппарата.

Дорога шла все время прямо, и лишь в конце нашего пути по размашистой дуге мы подъехали к шестиэтажному панельному зданию, внешне отличавшемуся от многоквартирного жилого дома разве что отсутствием балконов. Это был КДПЦ.

День был ветреный, холодный. Покидая автобус, каждый спешил побыстрее забежать внутрь здания.

– Нам на четвертый, – не оставлял меня без внимания Алексей.

Кузнецовы тянулись за нами следом. Нине тяжело было тащить свой избыточный вес, она натужно пыхтела и отставала. Виктор одной рукой волочил канистру, а другой слегка подталкивал жену в спину, приговаривая:

– Еще немного, еще чуть-чуть, еще этаж, он трудный самый…

Мы с Алексеем без проблем поднялись на нужный этаж и вошли в широкий коридор, освещенный гудящими люминесцентными светильниками. С одной стороны коридор заканчивался большим окном. С другой, куда мы направились, в конце него трепыхались сшитые меж собой, приколоченные к потолку, стенам и полу байковые солдатские одеяла. Алексей обратил мое внимание на эту трепыхающуюся под напорами ветра занавеску.

– Близко туда не подходи, споткнешься – вылетишь прямо в степь. За одеялом сквозной проем. Здание еще не достроено, – предупреждал Алексей. – Нам сюда.

Мы свернули налево и вошли в просторное помещение, вдоль стен которого теснились железные шкафы. Один из них, что стоял ближе к двери, оказался пустым, в него мы скинули свои полушубки, шарфы и шапки, все же остальные были битком набиты аппаратурой и рабочей документацией.

В центре комнаты возвышались две стойки размером в мой рост. Снизу доверху они были плотно нашпигованы ячейками электроники. В проеме между стойками была помещена широкая столешница, опирающаяся на железные тумбы. В нее были вмонтированы две платы с клавиатурой и два манипулятора, размером и видом напоминающие наполовину застрявшие в лузах бильярдные шары. Рука непроизвольно тянулась к ним, хотелось их покатать, покрутить, но я сдержался. Тут же на столешнице были установлены два массивных монитора с большими, почти полуметрового диаметра, круглыми экранами. Таким образом из перечисленного железа, окрашенного в серовато-синий цвет, были организованы рабочие места операторов.

С левого края, на крышке одной из стоек, помещалась небольшая пластмассовая коробочка радиоприемника ГГС (громкоговорящей связи). Из нее торчал закрученный пружиной телефонный провод, соединяющий приемник с тангентой (микрофоном).

Вот, пожалуй, и все, что предстало моему любопытному свежему взгляду при первом знакомстве со своим рабочим помещением. Да, были здесь еще три больших окна с видом на какие-то неказистые низенькие строения, что топорщились вдалеке.

– Это солдатские казармы, – пояснил Алексей.

– А зачем они здесь, средь голой степи? – полюбопытствовал я.

– Аэродром охранять.

– Верблюдов гонять, – съехидничал Виктор и стал включать аппаратуру, потирая ладони и приговаривая: – Сейчас согреемся.

И это кстати, так как в комнате было заметно холодно.

Железные шкафы загудели, замигали многочисленными лампочками на лицевых индикаторных панелях. Экраны мониторов зажглись, подобно фосфору в темноте, ровным, мягким зеленым светом.

Виктор был доволен сам собой, держался уверенно. Возрастом он был заметно старше нас с Алексеем, и я принял его за руководителя нашей группы, однако ошибся.

Малость погодя, пока я приглядывался и соображал, что здесь к чему, в комнату вошел небольшого росточка, скромный, невзрачный мужичок (по дороге, в автобусе, я точно его не приметил). Он поочередно поздоровался со всеми, уточнил, подойдя ко мне:

– Новенький? – и, не дожидаясь моего ответа, представился: – Василий.

– Александр, – ответил я ему, пожимая протянутую маленькую, но твердую, натруженную ладонь.

Василий (по фамилии Марущак), как оказалось, в нашей группе был за старшего. Без проволочек он стал вводить меня в курс дела.

– Все, что здесь есть, – неспешно объяснял он, – это аппаратура для сбора, отображения и передачи в ЦУП (центр управления полетами) данных о полете «Бурана». Стартанет «птичка», полетит, наземные станции, расположенные по трассе полета, станут за полетом наблюдать и транслировать сюда его параметры. На экранах этих мониторов, – он ткнул пальцем в светящиеся экраны, – полетные данные будут отображаться, по ним можно будет судить, что с «птичкой» происходит. Туда ли она летит. В режиме реального времени эти данные транслируются дальше в ЦУП. В Подлипках (где развернут ЦУП) точно такая же аппаратура, и там будут видеть то же самое, что и мы здесь. Это очень ценная информация, особенно на завершающем этапе полета, когда «Буран» будет приземляться на посадочную полосу нашего аэродрома. Полетит он и будет возвращаться в автомате, без пилотов-космонавтов. Посадку ему должен обеспечивать посадочный комплекс «Вымпел» – ну, ты знаешь. Наша система – часть этого комплекса.

– Да, – подтвердил я, – я был у разработчиков в ленинградском ВНИИРА (Всесоюзный научно-исследовательский институт радиоаппаратуры).

– Хорошо. Ленинградцы разработали, а изготовляли аппаратуру в Кишиневе, Одессе, Харькове. Привезли сюда. Мы ее здесь смонтировали. Функционально наша система – зрячая часть посадочного комплекса. Если она засбоит или, не дай бог, погаснет во время реального полета, то у всех причастных к делу буквально закроются глаза. Шуму будет… Никто не будет понимать, что с «Бураном», где он, в каком состоянии, как и куда летит. Наше дело – настроить систему так, чтобы она работала безупречно. Чем мы сейчас здесь и занимаемся. Вы с Алексеем очень вовремя прилетели. Включайтесь в работу.

И, обращаясь уже ко всем, продолжил:

– Давайте сегодня разберемся с блоками СУО (система управления отображением). Недавно случился большой скачок по питанию, эти блоки оказались самыми критичными. Возможно, в них даже что-то погорело. Вам с Алексеем, как инженерам, мультиметр и осциллограф в руки, схемы там, в шкафу, кумекайте. Выловите «блох» – монтажники Кузнецовы что надо перепаяют. А я пойду до наших военных добегу. Разберусь, кто там отвечает за электроснабжение. Попрошу, чтобы со светом не баловались или хотя бы предупреждали о переключениях, а то таким макаром нам все тут пожгут.

Озадачив нас, он ушел и до обеда не появлялся. Похоже, долгий у него вышел разговор.

Мы с Алексеем разложили схемы, обвешались проводами, включили осциллографы, начали в проблему вникать. К обеду кое-какие догадки по поводу возникших неисправностей у нас появились, но тут, как говорят в нашей армии, «война войной, а обед по распорядку».

Вернулся Василий, и мы все вместе, дружной толпой побрели в другой конец коридора нашего этажа – в трапезную комнату. Там уже собралось несколько проголодавшихся. Они суетились вокруг небольших письменных столов, сдвинутых в одну линию в середине комнаты. Неказистые стулья, казалось, мешали организации застолья и беспорядочно были разбросаны по помещению.

Лишь только мы вошли, кто-то с порога окликнул:

– Виктор Михалыч, воду привез?

– Да. Вот, – отвечал тот, волоча канистру.

– Наливай, а то заждались.

Водой из канистры Виктор наполнил жестяную, литров на пять, банку. Поместил в нее самодельный кипятильник и включил его. Пока вода доходила до кипения, собравшиеся доставали из своих сумок стаканы, кружки, ложки, привезенные с собою харчи: черный хлеб, сало, докторскую колбасу, плавленые сырки «Дружба».

– Леша, – обратился я к товарищу, – а я не догадался ничего съестного прихватить. Кошелек взял, я б в столовую сходил, а то тут мне с пустыми руками как-то неловко.

– Столовой здесь еще нет, – с улыбкой отвечал тот, – и неизвестно когда будет, так что не стесняйся, вливайся в коллектив. Стол здесь общий, выбирай что глянется. Для тебя все еще только начинается, время отплатиться у тебя будет.

Я примостился к столу рядом с Кузнецовыми. Нина дала мне большую алюминиевую кружку, предложила пару куриных кубиков и пакет с куриным супом. Что делать с кубиками, я не знал, а пакет с супом был мне знаком со студенческих времен, и я выбрал его.

Вода вскипела. Каждый со своей посудиной подходил к банке за кипятком, чтобы приготовить суп, кисель или чай.

Черпанул кипяточку и я. Растворил в нем куриный суп из пакета, взял со стола большой кусок хлеба, но не успел его откусить, как Виктор одернул меня. В руке он держал фляжку со спиртом, которая передавалась по кругу. Он отлил спирт в свою алюминиевую кружку и протянул флягу мне. Я тут же передал ее соседу.

Тот спросил:

– А сам-то чо?

– Да мне не хочется. Сегодня вроде как не праздник.

– Хочу, не хочу – здесь не катит, – уточнил он. – Прими для профилактики, а то бациллу какую-нибудь прихватишь. Животом здесь страдают многие, особенно с непривычки.

Прислушавшись к свету бывалого, я немного плеснул спирта в суп и передал ему фляжку. Он отлил грамм пятьдесят в свой стакан и больше никаких советов мне не давал.

По всему было видно, что собравшиеся за столом давно знакомы. Общались непринужденно, а после спиртопрофилактики даже весело. В этом общении не было и намека на какие-либо жалобы, тем более недовольство или возмущение. Ко мне, новичку, присматривались, но каверзных вопросов не задавали. Большинство присутствующих были, как и я, командированными. Кто-то по этому поводу выдал анекдот.

Собирается муж в командировку. В верности жены шибко сомневается. Просит соседа присмотреть за ней. Сосед уточняет:

– Ежели что, как тебе сообщить-то?

– Присылай телеграмму: «Жена умерла», – по ней меня тут же отпустят, прилечу, разберусь.

На том и порешили. Работает себе муж в командировке неделю, другую, неплохо зарабатывает, все хорошо, все ладится – и тут бац, телеграмма: «Жена умерла». Телеграмму получает начальник, он не в курсе оговоренных условностей. Соображает – работник ценный, отпускать его ну никак не хочется, как бы задержать хотя б еще на пару дней? Он, не показывая телеграммы адресату, шлет ответную с уточнениями: «Сообщите, когда будут похороны». Такого вопроса сосед ну никак не ожидал, растерянно отвечает: «Я не знаю, когда будут похороны, но доступ к телу продолжается!»

Народ выслушал байку с интересом, одобрительно посмеиваясь. Кто-то просил что-нибудь еще.

А сосед, наклоняясь ко мне, полюбопытствовал:

– Ты женат?

– Да нет.

– Это не есть хорошо. Ты эти байки не слушай. Это так, для потехи. А по жизни без семьи оно ни то ни се. Здесь много семейных. Вон, например, Кузнецовы, вместе работают, а дочка у них ходит в детский сад. Новиковы Влад с Ириной, Игорь с Катей Бурко. Да много тут семейных. И это правильно. Командировки у нас долгие. Тебе насколько выписали?

– На шесть месяцев.

– Ну, как обычно. Потом еще продлят.

– А вы здесь давно? – спросил я его.

Сосед усмехнулся.

– Давно? Я еще Гагарина пускал.

Услышанное заставило меня к нему присмотреться. Каким же он показался мне стариком. Гагарина запускал! Я в те годы ходил в детский сад. Радио о первых полетах трубило громко. Мы играли в космонавтов, и интереснее профессии я себе не представлял. Так вот сбылась та детская мечта – я на Байконуре, но в том, что сейчас вижу вокруг, нет ни грамма героического пафоса. Все как-то буднично, обыденно.

Обед прошел. Прибравши стол, потихоньку начали расходиться. Мы своей пятеркой – Василий, Алексей, Кузнецовы и я – вернулись и до вечера занимались ремонтом погоревших блоков. В каждом блоке неисправными оказались однотипные платы, а на этих платах повыгорали одинаковые микросхемы. Трудно было определить первую, а дальше, как на конвейере, один за другим мы заменили испорченные элементы.

– Вот и ладушки, – подвел итоги трудового дня Василий, – все, слава богу, заработало. Вот только ЗИП (запасное имущество) почти весь израсходовали. Я полдня с военными ругался – толку никакого, валят друг на друга, виноватых не найдешь, спросить не с кого, так что чудеса со светом, наверное, еще продолжатся. ЗИП надо восполнять.

Окончив работу, засобирались в обратный путь. Выключили аппаратуру, не спеша одевшись, вышли на улицу. Погода по-прежнему свирепствовала. Ветер не стихал. Под его напористыми порывами ожидающий нас автобус заметно раскачивался.

Следом за нами из теплого помещения выскочили две шустрые девчушки и вприпрыжку, обгоняя нас, устремились к автобусу. От угла здания до автобусной двери было несколько шагов, но это небольшое свободное пространство было особо продуваемым. И для девчонок, одетых в широченные меховые куртки, оно оказалось непреодолимым. Их одежки парусили так, что ветер подхватил их и понес в степь. Они проскочили мимо автобуса, с испуга ухватившись друг за дружку, упали на колени и заголосили:

– Спасите! Ловите нас!

Наблюдать за этим было забавно. Но не мешкая я бросил свою сумку к ногам Виктора и поспешил к ним на помощь. Ветер валил с ног, я еле держался, но сумел-таки ухватить девчонок за широкие воротники, помог подняться с колен и, волоча их за собой за шиворот, подтащил к автобусу. Кузнецовы и Алексей, наблюдавшие за происходящим, не отходя от стены здания, громко смеялись. Я окликнул их:

– Держитесь! Вас унесет – с вами не справлюсь.

Потом, подобрав свою сумку, запрыгнул в автобус.

Преодолевая порывы ветра, подтянулись остальные. Автобус заполнился. Под Розенбаума тронулись и через полтора часа, поборов непогоду, были в городе.

Очередные мысли о доме

Вернувшись в свой гостиничный номер, на добытой электроплитке (спасибо товарищам, помогли, подсобили) я сварил себе гречневой каши, откупорил банку тушенки, поужинал и, коротая остаток дня, написал матери.

«У меня все хорошо. Я в командировке на Байконуре. Сколько здесь пробуду, точно не знаю. Пока буду писать тебе отсюда. Здесь много интересного. О чем-то напишу, чего-то приеду – расскажу. Народ здесь умный, приветливый, отзывчивый. С такими не чувствуешь себя одиноким, многие охотно мне помогают. Живу в гостинице. Поесть есть чего. Да, знаешь, тут неожиданно встретил однокурсника Ивана Циплякова. Встретились, обрадовались, обнялись по-братски. В гости приглашал. Он женат, у него двое детей. Как-нибудь обязательно зайду. Пиши, как вы там зимуете? Там снегу теперь намело? Здесь его очень мало, в городе совсем почти что нет, ветер пыль, песок метет вместо снега, это необычно, но ничего, привыкну. Как бабенька? Вы там держитесь, не болейте. Я пока не знаю когда, но обязательно приеду. Двор поправим, телефон проведем, почаще будем общаться. Привет соседям, родственникам, дяде Володе особенно. Трудно без отца? Он вам теперь, наверно, чаще других помогает? В общем, пиши обо всем, все как есть, мне все интересно».

Дописав письмо, положил его в заранее приготовленный конверт.

Было еще не поздно, спать не хотелось, но я прилег. Прилег с мыслями о доме. Пусто там теперь. Мать да бабенька. Сестра, вслед за мной окончив университет, по распределению попала в Новосибирск. Отец два года назад, на юбилейном пятьдесят пятом году, внезапно умер. Когда я получил телеграмму о его смерти, это было так неожиданно… Первое, что мне тогда подумалось: работая электриком, он, случалось, и по ночам лазил на электроподстанцию, когда свет пропадал. Наверное, ошибся, был невнимателен, залез под ток. А что я еще мог подумать, ведь накануне был дома. Мы с ним пилили дрова, привезли торф, еще что-то там делали, и он выглядел как обычно, ни на что не жаловался.

На похоронах мать мне рассказала, что свет тут, как оказалось, ни при чем. Все было совсем иначе.

Дело было летом. Сенокосная пора. Весь день они провели в лугах, сушили и убирали накануне скошенное сено.

– День-то был не очень. То и дело тучки набегали, и мы торопились, не присели, почитай, весь день. Накосили-то много, высохло все хорошо, беспокоились, как бы дождь нам уборку не испортил. Слава богу, до дождя управились, сметали сено в копешки. Присели, перекусили на дорожку, но долго не рассиживались. День к вечеру. Без проволочек собрались: я покидала в сумку остатки харчей, он подобрал инструмент (вилы, грабли, веревки), завел мотоцикл. Тронулись к дому. Едем не спеша, луга ровные, но дорога в ухабах. Мне из люльки хорошо все видать. Замечаю, вдалеке кто-то копошится, дорога туда нас ведет. Подъезжаем ближе, видим трех мужиков, колготятся возле машины, машут нам руками. Отец остановился, заглушил мотоцикл и, сказавши:

– Раз машут, что-то случилось, надо помочь, – пошел к мужикам разобраться.

Вскоре вернулся. Мне показалось, как будто чего забыл, так быстро обернулся, только отошел – и обратно. Смотрю на него, а он какой-то смурной, заводит мотоцикл и матюкается, чего с ним отродясь не бывало.

– Леш, – спрашиваю его, – ты чего?

– Да, – отвечает, – у Лобана телок в трясине застрял. Втроем не могли справиться. Помог. Вытащили. Закинули его в кузов «газона». Как-то неловко повернулся. Бок резануло. Мало своих забот, ехарный бабай, тут еще это. Ну, ладно, поехали.

Сказал и сказал, я на его слова не обратила и внимания. Доехали спокойно. Разобрались. Поужинали. Зову его спать, а он:

– Ложись, – говорит, – я газету почитаю.

Через какое-то время пришел, чую, долго ворочается, вроде как лежать ему неловко, но потом все ж уснул.

Поутру бужу его – он не встает. Спрашиваю:

– Как так? А на работу?

– Да что-то я не отлежался. Пойду попозже.

На работу он никогда не опаздывал, я забеспокоилась:

– Ты не заболел? Может, врача позвать?

– А что я врачу скажу? Что устал? Иди. Немного полежу – встану.

Я пошла на работу, бабеньку попросила за ним приглядывать.

Малость погодя он поднялся. Она, как сказывала, покормила его манной кашей, от чего-то другого он отказался. Встал из-за стола, вышел во двор.

– Жду, жду, – говорила бабенька, – его нет. Долго что-то нет. Пошла посмотреть. А он на крыльце лежит. Я его тормошу – не встает. Поднять его не в силах. Побежала к соседу, к Лешке. Тот втащил его в дом, распластал на полу и так оставил.

– Прибежал на работу ко мне, – продолжает мать, – и впопыхах говорит:

– Дело плохо, Дуська. Вызывай врача.

Скорую из райцентра ждать пришлось недолго, но грузили его уж в беспамятстве. Приехали в больницу – сходу на хирургический стол. Во время операции он умер.

Врач сказал:

– От перенапряжения лопнула вена в желудке. Надорвался мужик.

Вот и вся история. Электричество здесь действительно ни при чем.

Теперь мать с бабенькой одни. Бабеньке скоро восемьдесят. Она заметно сдала, старуха старухой. Днями сидит у окна, с грустью вспоминает прожитые годы. Двенадцати лет осталась она без родителей. Было у нее три брата, две сестры, которых теперь нет, но обиднее всего – уже нет ни дочери, ни сына. Круглая сирота. Осознавая такое, как не скорбеть? Мне до боли в сердце жаль ее. Она больше матери в детстве со мною нянчилась, оттого, наверное, душой я к ней больше привязан. Хотя мать есть мать, как о ней не вспоминать.

С этими невеселыми мыслями, отходя от дневных забот, я засыпаю.

Мой первый рабочий день на Байконуре пролетел.

Втягиваюсь в работу

Поутру снова торопливый завтрак с яичницей. Сегодня не забыл прихватить с собой банку тушенки и хлеба к общему столу. Собравшись, иду к автобусу, там теперь уже знакомые лица. Сели снова рядом с Алексеем. Большую часть пути ехали молча, слушая все то же розенбаумовское «ау…». На остановке возле двести пятьдесят четвертой площадки я его спросил:

– А чего тут большинство девчонок спрыгивают? Они тоже с нашего предприятия?

– Да, – отвечает Алексей. – Мы наземку отлаживаем, а они бортовую аппаратуру готовят. С «птичкой» возятся. Программистки они.

– Надо же, молодые, а смышленые. В таких делах соображают.

– Да там соображать есть кому. А они так, на подхвате.

– Пусть даже на подхвате, все равно удивительно. По-моему, умнички.

– Как-нибудь соберемся вместе – приглядишься. Не разочаруют?

– А где такие общие сборы? В экспедиции? Там тесновато.

– Ничего, все помещаются.

– А как часто?

– Тут как Олег Иванович решит. А не терпится – ступай в бассейн. Они поплескаться любят. Часто туда ходят. Там и полюбуешься, а тут все они от мороза в одинаковые тулупы укутаны. Разве ж чего разглядишь…

Сегодня, как мне показалось, мы приехали быстрее, чем вчера. Поднялись к себе и этот день снова занимались ремонтом.

Между делом Василий попросил нас быть повнимательнее:

– Скоро прилетят из Питера наши «головастики» – разработчики «Вымпела». Желательно, чтоб к их появлению все работало. Следом их «бэвэшка» (летающая лаборатория на базе Ту-134) прилетит. Испытывать, проверять настройки посадочного комплекса будем, – растолковал нам Василий и сам, как опытный, грамотный, ответственный специалист, не остался в тот день в стороне. Вместе с нами выискивал и устранял неисправности.

По ходу дня он по какому-то вопросу, на этот раз ненадолго, сбегал к военным. Вернулся чертыхаясь:

– Служба, блин…

– Чего такое? – полюбопытствовал Виктор.

– Да им сегодня не до работы. Магазин к ним приехал. Дефицит привез. Набросились, лаются – делят.

– Чего привезли-то? – полюбопытствовала Нина.

– Да ерунду всякую: мыло, полотенца, шампунь…

– Шампунь. Интересно какой? – не унималась Нина.

– Сходи посмотри. Может, выцыганишь чего, – посоветовал Виктор.

А Василий добавил:

– Генерала Гудилина на них нет. Давно не наведывался. Он бы махом разогнал эту барахолку.

– Не знаю, не знаю. Гудилин – строгий генерал, офицеры дрожат перед ним, как зайцы, но при этом заботливый. Может, он для них этот товарный привоз и организовал, – высказался Алексей.

– Ладно, бог с ними. Отоварятся – подойдут. Они интересуются, что тут у нас происходит. Появятся – надо будет доложить, что с проблемой справляемся, но лучше было бы, чтоб питание было стабильным, чтоб таких скачков не случалось.

Этот день, как и вчерашний, мы провели за починкой аппаратуры, с коротким перерывом на обед. За обедом я предложил на общий стол прихваченный с собою харч, что было принято

с одобрением. На этот раз без возражений принял профилактические спиртовые пятьдесят грамм, но от этого не раскис, и после обеда работа наша продолжилась в том же темпе, что и до.

Вечером, вернувшись с работы, по чьей-то подсказке забежал в магазин и – о радость! – смог прихватить там пару пачек пельменей. Можно было бы сделать запас этого быстро приготовляемого и тем особо ценного продукта, однако по правилам местной торговли больше двух пачек в одни руки не давали.

«Ну, ладно, – подумалось мне, – это, как говорил когда-то в картофельной борозде Аркаша, лучше, чем ничего. Для сегодняшнего ужина хватит и полпачки, остальное вывешу в сетке в форточку, на мороз (холодильника в моем номере, как и в номерах тех, с кем успел познакомиться, не было). Какой-никакой, а запас, хватит на пару-тройку раз».

Вернувшись в номер, приготовил закупленных пельменей. Воду я уже научился очищать. На окне у меня стояла батарея трехлитровых стеклянных банок. Чай приготовил, выпил с пряниками вприкуску. Бабенька так чаевничать любила, вот и меня, наверное, приучила. По-простецки, а ведь приятно и вкусно.

Однако с чаем я, похоже, переборщил. Заварка оказалась крепкой и напрочь прогнала сонливость. Принимая эту данность, я достал свою записную книжку, перелистал ее. Глаз зацепил записанный наспех стишок.

Стремительный и ясный взгляд,
Задорная улыбка…
Такой осталась в памяти моей
Наташа —
Восторг, отчаянье и пытка.
Я и сейчас, наверно, повстречавшись с ней,
Двух слов связать не смог бы.
Точно нет.
Ну а пишу вот строки эти,
С годами убеждаясь вновь и вновь:
Куда б по белу свету ни носило,
Везде душой одна владеет сила,
Названье ей – любовь.

Эти неказистые строчки снова обратили мою память к студенческим временам.

Студенческие времена

Вспомнилось, как после расставания с Наташей по окончании концерта переживал полученный от нее отлуп. Я не делал попыток удержать ее. Зачем? Все для меня стало предельно ясно. «Скрипач не нужен». Обидно, досадно, но ладно.

Мы расстались молча, без обнималок, целовалок, обещалок. Помнится, долго молча бродил я по аллеям Пролетарки в надеже утоптать накатившую грусть-тоску, но этого мне не удалось ни тем вечером, ни много дней спустя. Еще долго-долго горевал я о случившемся, не находя повода или случая развеяться.

Близкие замечали мою угрюмость, похоже, догадывались о ее происхождении, хотя я не смел поговорить с кем-либо о случившемся.

Бабенька ненавязчиво просила приглядеться к соседке Тане:

– Девка добрая, кроткая, на медичку учится. Глянь, глянь… – советовала она, но я молча отмахивался от таких советов и в обсуждения не ввязывался.

«Сколько ни делись своими проблемами, все равно все они останутся при тебе», – так думалось мне, и потому хмурился, но крепился и переживал свои невзгоды молча.

За время учебы более чем с прочими я сдружился с Шуриком Мамонкиным, парнем шустрым, словоохотливым, от природы юморным, веселым. С ним никогда не было скучно. Даже глядя в мою кислую физиономию, он не унывал, казалось, всячески старался меня растормошить: рассказывал байки, травил анекдоты и как-то предложил познакомиться с очень интересной девчонкой.

– Ну, если уж она прям такая-растакая, чего ж ты сам-то к ней не приклеишься?

– По мне, она слишком долговязая, повыше меня будет, а тебе так в самый раз.

Я не стал противиться его предложению, и в выходные мы смотались в Ковылкино к его родителям. Побывали там на танцах. Расхваленная им красавица таковой мне вовсе не показалась, и знакомиться с ней я наотрез отказался.

– Ну, ты и привередливый, – ворчал Шурик по дороге с танцев. – Так-то ты скорей с тоски помрешь, чем какую-то найдешь…

Что мне его помощь? Что мне его буза? Ну не получалось у меня отделаться от глупых мыслей и бесплодных мечтаний о Наташе.

Не менее внимательной и настойчивой, чем Шурик, была моя тетя Нина. Это по родственному статусу она была мне тетя, бабенька и ее мать были родными сестрами, а возрастом мы с ней почти ровесники. После восьмого класса школы она поступила в культпросветучилище, окончив его, продолжила учебу в институте культуры. Учась, организовала в городе несколько танцевальных кружков. Когда я наведывался к ней в гости, наш разговор непременно случался о танцах, о девочках.

– Ты обязательно должен научиться танцевать, – наставляла она меня. – Ты высокий, стройный, гибкий, подвижный. У тебя непременно будет все хорошо получаться. Люди с желанием ко мне приходят, деньги мне платят, а я так тебя обучу, даром, по-свойски. Знаешь, сколько девчонок у меня? Да каких! Загляденье, как в песне: белявые, чернявые, рыжие, кучерявые. Очень разные: белый верх – черный низ, черный верх – белый низ. Глаза разбегаются – выбирай, какую хочешь.

– Да ничего я не хочу.

– А вот и не поверю. Лучше признайся, на кого запал? Тащи, приму и ее, какая есть. Девки поплясать любят. Буду учить вас вместе, глядишь, и задружитесь.

– Нин, отстань. Не до плясок нам нынче, скоро сессия. Готовиться надо. Вот сдадим, тогда и попляшем.

– Деловой, ты глянь. То-то ты смурной шляешься, не пришей кобыле хвост, что-то я тебя с учебником в руках не замечаю.

Несмотря на настойчивые ее наезды, на танцы к ней я так и не пошел.

Скоро и впрямь подоспела зимняя сессия. Предметов для сдачи зачетов и экзаменов подобралось около десятка. Времени на подготовку требовалось много, и это постепенно сглаживало мои переживания, отвлекало от назойливых дум. Часто и подолгу мы с Шуриком просиживали в читальном зале университетской библиотеки. Он был более нетерпелив, зубрежка скорей ему надоедала, и тогда он ворчал:

– Все, хватит. Надоело. У кого шапка пятьдесят седьмого размера, тот пусть продолжает, а у меня только пятьдесят пятого.

Я старался его удержать:

– Ну давай еще посидим. Давай еще позанимаемся.

Но он упрямился, не соглашался, отвечал:

– Пущай лошади кумекают, у них голова большая.

Слушать это мне было забавно, как правило, я с ним соглашался, и мы расходились по квартирам. Общежития нам не досталось, да я туда и не стремился. Жизнь среди толпы, пусть даже сверстников, меня не прельщала. Снимая квартиру, я чувствовал себя более независимым, свободным. Хотя на оплату квартиры уходила половина моей стипендии, оставшихся средств вполне хватало, нужды не испытывал, у родителей ничего не клянчил.

Я квартировал в центре города. Шура – на самой его окраине. Возвращались с учебы обычно вместе. Мне идти всего ничего, а ему нужно было ехать на автобусе до самой конечной остановки – «Кладбище».

Однажды морозным зимним вечером, дабы не замерзнуть, мы трусцой добежали до автобусной остановки. Тут было многолюдно. Едва мы приблизились к толпе ожидающих транспорт, как прямо перед нами неожиданно начала заваливаться щупленькая старушка. Заметив это, мы не дали ей упасть, тут же подхватили под руки и стали тормошить:

– Бабуля, что с тобой? Очнись! Тебе плохо?

Бабуля крепко сжала бледные, ненакрашенные губки и, как партизанка, помалкивала.

– Она вовсе на ногах не держится. Давай ее на скамейку усадим, – предложил я Шурику.

Так мы и сделали. Но она и сидеть не могла, заваливалась то в одну, то в другую сторону.

– Ты придерживай ее, а я добегу до «Спутника», позвоню в скорую, там на углу магазина телефонная будка есть. Дай две копейки.

– «Ноль-три» бесплатно, – подсказал Шурик, и я побежал к телефонной будке.

Телефон оказался исправен, я набрал номер скорой. Откликнувшейся приветливой девушке объяснил ситуацию, описал место случившегося:

– Это на перекрестке Пролетарки и Коммунистической, на автобусной остановке, что напротив «Спутника».

– Все поняла. Ждите, – ответила девушка.

Я вернулся к Шурику. Холод был собачий, но с риском напрочь замерзнуть мы все ж не оставляли бабушку. Время от времени ее встряхивали, пытались растормошить, разговорить, но она по-прежнему молчала и в немощи своей то и дело заваливалась. Приходилось ее вновь и вновь усаживать.

На остановку подходили люди, большинство из них держались в стороне, лишь искоса на нас поглядывая, но некоторые проявляли больше любопытства и активности. Совались с расспросами или советами.

– Зачем вы ее сюда притащили? Холод такой. Ведь замерзнет. Ведите ее домой, – выслушивали мы реплики в свой адрес.

Тогда Шурик не выдерживал и огрызался:

– Ее? Домой? Тебя бы, может, и отвели, и домой, и в теплую постель уложили. А она нам на кой? – отвечал он моложавой советчице.

Слава богу, ждать скорую долго не пришлось, она притормозила, немного проехав остановку, дабы не стать помехой автобусу или троллейбусу, которые подходили часто.

Из машины вышла доктор в белом халате поверх зимнего пальто. Я высунулся из толпы ей навстречу, помахал рукой. Встретив, провел врача к несчастной страдалице. Докторша опытным взглядом окинула больную, взяла ее руку возле запястья, прощупывая пульс, и внятно произнесла:

– Жива, курилка.

Кто-то из толпы полюбопытствовал:

– Отчего ей плохо? Сердце, да?

– Ей сейчас очень хорошо, – констатировала доктор. – Даже слишком хорошо. Это не наш случай. Вызывайте милицию. Везите в вытрезвитель. Там ее и отогреют, и вылечат.

Елы-палы… Скорая, продиагностировав пациентку, уехала, а мы остались при своих заботах. Повторно бегу к телефону. Звоню теперь в милицию. Объясняю им, в чем дело.

Милицию приходится ждать дольше, чем скорую. Смотрю на Шурика, он весь посинел от холода и заметно дрожит. Чую, и сам окончательно замерзаю.

Слава богу, «газик» с милицейской будкой, хоть и заставил себя долго ждать, все ж таки приехал. Так же как скорая, милицейская машина припарковалась поодаль от остановки. К нам подошел милиционер в форме, молча окинул взглядом старушку и пошел обратно. Шурик не понял его действий, не выдержал, рыпнулся ему вослед и крикнул:

– Погодите! Вы что? И вы таких не берете?

– Берем, берем, – недовольно буркнул милиционер. – Я один ее в будку не закину. Сейчас кликну студентов, это по их части.

Он подошел к милицейской будке, крючковатым ключом отпер замок, открыл дверь и скомандовал:

– Давай, друзья, выскакивай. Грузим.

В распахнутую дверь ловко выпрыгнули два молодых паренька, наших ровесника, и быстрым шагом направились к нам. Когда они подцепили бабушку под руки и поволокли к машине (вставать на ноги ей по-прежнему не моглось), мы наконец облегченно вздохнули.

– Сумку, сумку ее возьмите, – кто-то кричал с остановки вдогонку парням.

А в это время дверь милицейской будки широко распахнулась, оттуда высунулась хитроватая, небритая, красноносая морда. Судя по всему, это был ранее загруженный клиент. Озираясь по сторонам, он поправил сбившуюся набок ушанку, осмелившись, спрыгнул и быстро пустился наутек. Пацаны, заметив это, тут же бросили бабку. Она распласталась, как камбала, на асфальте, покрытом льдом, а они во всю прыть бежали за хитрованом вдогонку.

Толпа на остановке возликовала. Задорно смеясь, кто-то кричал ребятам вслед:

– Зачем он вам? Сколько вы его возите? Уже протрезвел. Во как шустро тикает…

– Эта эпопея, похоже, никогда для нас не кончится. Я задубел, ни рук, ни ног не чую. Бежим отсюда, – предложил я Шурику, и тот без колебаний согласился.

Не дожидаясь развязки этой комедии, мы тут же поспешили ко мне.

В домашнем тепле, за липовым чаем с медком, который приготовила нам для сугрева заботливая хозяйка моей квартиры, тетя Маша, Шурика прорвало на философию:

– Елы-палы! – с возмущением рассуждал он. – Странная она, эта штука – жизнь. Восхищаемся красавицами, вздыхаем по ним, охаем, ночами не спим, с подарками для них носимся, а время идет, и они безобразно меняются: бабочка-красавица, неуклюжая куколка, ненасытная, прожорливая, гадкая гусеница…

– Постой, постой, в природе все же наоборот.

– Да как ни крути, не успел налюбоваться – глядь, а она уже чучело, как сегодняшняя бабка.

– И что же делать?

– Задрать штаны и бегать. Не надо по Наташке-то тебе так убиваться. Вот я к чему. Время идет, а ты все только в ее сторону и смотришь. Какой бы она сейчас ни была, со временем быть ей такой же безобразной бабкой.

– А мы какими будем? Так рассуждать, так лучше и не жить вовсе. Все одно помрем.

– Ну-ну. Упрямый ты. До тебя не достучишься.

Мы успешно сдали сессию. Отгуляли зимние каникулы. Наша учеба продолжилась.

Зима промелькнула как-то незаметно, не отметившись какими-либо примечательными событиями. Разве что случайной нашей встречей с Наташей возле городского парка. Это произошло ближе к весне. Мы шли навстречу, и делать вид, что не замечаем друг друга, не получалось. Поравнявшись с ней, я остановился, она тоже.

– Здравствуй, Наташа, – тихо, без премудростей поприветствовал я ее.

– Здравствуй, Саша, – улыбнувшись, ответила она.

– Как ты здесь оказалась? В парке интереснее летом. А сейчас…

– Я записалась в стрелковую секцию. В парке тир. Учусь стрелять.

– Ты стрелок? Зачем тебе это? Ты на охоту собралась?

– Да нет. Какой из меня охотник. И зайцев, и уток я жалею. Просто так, для разнообразия, не все ж только учеба.

– Понятно, – промычал я и больше не разумел, о чем еще ее поспрашивать.

Мы разошлись, и я подумал: «А ведь она права. Не все ж только учеба», – и вскоре записался в парашютную секцию.

Небо манило меня с детства. Из всех игрушек самым памятным был для меня подаренный кем-то железный самолет. Самыми захватывающими картинами детства были часто пролетавшие над селом военные самолеты. А уж когда на наши поля на сельхозработы прилетал «кукурузник», это был праздник души. Тогда с друзьями-ровесниками, оседлав велосипеды, мы мчались на полевой аэродром. Робея от восторга, с близкого расстояния наблюдали за его взлетом и посадкой. Так хотелось полетать, но мы не смели попросить о том пилотов и довольствовались наблюдением за полетами со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.